



Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи.

(Продолженіе).

V.

Мы видѣли, какъ настойчиво и догматично, въ продолженіи многихъ лѣтъ ведется пропаганда невѣрія подъ прикрытиемъ, будто бы, авторитета науки, въ силу, будто бы, ея указаний и требований. Пора призвать эту безграничную самоувѣренность къ отчету, не въ ея самохвальствѣ (какое дѣло вѣчному величию религії до мелочей мимолетнаго тицеславія!), а къ отчету въ основахъ и доказательствахъ всѣхъ этихъ, единомъ властно выставляемыхъ, но слишкомъ недостаточно подкрѣпляемыхъ фактами утверждений и завѣрений: пора указать на преувеличения, столь отвѣтственныя и на неточности, столь многочисленныя и грубыя, что они не помогутъ оправдываться незнаніемъ и недосмотромъ и гравитировать уже съ подлогомъ и со введеніемъ въ умы именное заблужденіе.

Таково, прежде всего, упорно и непрерывно распространяемое пропагандистами такъ называемаго «научнаго невѣрія» утверждение, что, въ силу несогласности видѣнія съ вѣрою, большая часть выдающихся представителей науки, или чутЬ-ли не все они—люди невѣрующіе и отрицательно, либо враждебно относящіеся къ христіанству. Изъ приведенныхъ выше мы видѣли, какъ настойчиво и категорично больше полувила повторяется это утверждение и съ какимъ торжествомъ оно принимается въ интригахъ и разнообразныхъ слояхъ общества. Между тѣмъ утверждение это не только

преувеличено, оно, по отношению именно къ „выдающимся“ ученымъ, прямо должно. Мы не будемъ говорить уже о вождяхъ науки далекаго прошлаго, объ „отцахъ“ новаго точнаго знания. Глубокая, искренняя религіозность Коперника, Кеплера, Тихо де Браге, Галилея ¹⁾, Риччоли, Местлина, Барроу, Гевелія, Маріотта, Торричелли, Иаскаля, Фермà, Роберта Бойля, Лейбница, Кларка, Гюйгенса, Ньютона, Кассини, Везалія, Амбуаза Нарэ, Гарвей, Сваммердамма достаточно известна ²⁾: по значенію ея любить приписывать объясненія ее воздействію отрывающей среды, слишкомъ еще проникнутой церковными и богословскими влияніями. Однако и среди уже иначе пастроеннаго, вольнодумнаго XVIII вѣка синесть ученыхъ-вѣрюющихъ числитъ въ себѣ такія первоклассныя имена, какъ Д. Бернульи, Эйлер, Брадлея, Цельзія, Уатта, Гальвані, Вольты, Шталія, Гофмана, Боэргава, Кэвиндина, Пристлея, Альбрехта фонъ Галлера, Линнея, Лавуазье, Бинна, обоихъ Юкесье, Боннэ, Вернера ³⁾... Но обратимся къ XIX вѣку, не только къ его первой половинѣ, но и къ послѣ-дарвиновскому періоду, ознаменованному будто бы такими переворотомъ въ обсуждаемомъ отношеніи. И здесь, въ полное опроверженіе приведенныхъ выше развязныхъ увѣреній о будто бы ниголовномъ невѣріи выдающихся ученыхъ, мы встрѣчаемся съ фактомъ какъ разъ противоположнымъ: именно *главные* вожди новѣйшаго естество-знанія, именно славѣнныи, величайшии естествоиспытатели и математики, творцы современнаго точнаго знания, въ преобладающемъ большинствѣ, оказываются по меньшей мѣрѣ теистами, а очень многіе—искренними христіанами и часто—послѣдователями того или иного церковнаго вѣронесовѣданія. Доказательства тому собраны въ изобиліи по первосточникамъ въ работахъ Кнеллера „Христіанство и представители новѣйшаго естество-знанія“ ⁴⁾, Цеппера „Религія естество-

¹⁾ Фактъ искренней религіозности Галилея и его привязанности къ католичеству, несмотря на споры съ римской куріей, можетъ считаться точно установленнымъ.

²⁾ Кромъ специальныхъ трудовъ о нихъ и биографій, см. Zöckler. Geschichte der Beziehungen zwischen Theologie und Naturwissenschaft. Gütersloh. 1877—79. I Band, 4 Buch. II Band, 5 Buch.

³⁾ Тамъ-же. II B. pass.

⁴⁾ Kneller. Das Christenthum und die Vertreter der neueren Naturwis-

испытателей¹⁾ и Табрума „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“²⁾. Для тѣхъ, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей физико - математическихъ наукъ, не можетъ показаться скучнымъ или блѣднымъ даже простой перечень главныхъ именъ, сюда относящихся; тѣхъ, кого мы чтимъ, какъ величайшихъ дѣятелей въ области умственныхъ завоеваний нашего вѣка, мы обязаны познать и оцѣнить правильно и со стороны ихъ религіозныхъ убѣждений, столь тенденціозно замалчивающихся или прямо исказаемыхъ людьми чуждыми религіи или враждебными ей. Математики и астрономы: Гауссъ, Риманъ, Эрмитъ, Брюстеръ, Гершель, Бессель, Медлеръ, Леверье, Секки, Ламбъ, Джильь. Читтакеръ, Фай, Маундеръ, Эбеней, Роб. Болль, Ньюкомбъ; физики: Амперъ, Румфордъ, Коши, Эрстедъ, Джоуль, Фарадей. Омъ, Фрауэнгоферъ, Френель, Робертъ Майеръ, Гиризъ, Гельмгольцъ, Джорджъ Стокъ, Маккуэлль, лордъ Кэльвингтонсонъ, Беккерель, лордъ Райлі, Крукъ, Рамзай, Дж. Г. Гладстонъ, Бальфуръ - Стьюартъ, Тэтъ, Лоджъ, Тесла; химики: Цальтона, Гай-Люсакъ, Гемфри Дэви, Авогадро, Вернеръ, Шеврель, Лихихъ, Шенбейнъ, Девиль, Дюма; биологи-зоологи: Кювье, Коффруа сентъ-Илеръ, Латрейль, Бланшаръ, Агасинъ, Эренбергъ, фаль-Бенеденъ, Карнегітеръ, Менделъ, Лёббокъ, Рей Лашастеръ, Мэкеллистеръ, Ромэнъ, Юнкэль; ботаники: Декандоль, Шранкъ, Марицусъ, Бронсьяръ, Шлейденъ, Линдлей, Алекс. Браунъ, Шимперъ, Лейнисъ, Гаштейнъ, Тистльтонъ-Джеръ, Рейнке; анатомы: Гиртль, Робертъ Оуэнъ, Флауэръ; физиологи и медики: Йоганнъ Мюллеръ, Кильмейеръ, Клодъ-Бершаръ. Биниофъ, Карль фонъ Бэръ (подъ конецъ жизни) Шваннъ, Вагнеръ, Путиэ, Чарльзъ Бэлль, Настёръ, Листеръ, Найджель, Октэндъ; минералоги и геологи: Фуксъ, Малларъ, Бёклиандъ, Гитчкоукъ, Эли де Бомонъ, Баррандъ, Добре, Лапарацъ, Ромаліусъ, Мурчисонъ.

senschaft. 2 Aufl. Freiburg i. B. 1904. Въ текущемъ году вышло англійскій переводъ: русское изданіе этой серьезной работы было бы очень желательно.

¹⁾ Dennert. Die Religion der Naturforscher. 7 Auflage. Berlin, 1908.

²⁾ Tabrum. The Religious Beliefs of our Scientists. London, 1910. Русский переводъ подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева („Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Москва, 1911“).

Шубертъ, Вагнеръ, Бингофъ, Даусонъ, Данъ, Прествичъ, Гейки; географъ Риттеръ, антропологъ Притчардъ.—вотъ тѣ незамѣнимые и незабвенные творцы современной науки, которые своими признаніями, ученіями или жизненными по-веденіемъ опровергаютъ предразсудокъ о несоеди-мости точного естествознанія съ вѣрою. Особѣнно поучителѣ въ этомъ отношеніи, произведенный за послѣдніе года Табру-момъ непосредственно среди англійскихъ и американскихъ ученыхъ опрось от-носительно двухъ положеній: 1) усматриваются ли они противорѣчіе между фактами, установленными наукой и основными ученіями христіанства? и 2) считаются ли они современныхъ ученыхъ за людей невѣроятныхъ и относящихъ отрицательно къ христіанству? На оба эти вопроса подавляющее большинство отвѣтило рѣшительнымъ „нѣть!“

Но съ приведенныхъ нами ранѣе столькихъ завѣрений со стороны волынодумцевъ о повсемѣстномъ вымираніи религіозного начала въ ученої средѣ поучительно будеть высту-пить хотя бы нѣсколько свидѣтельствъ по этому поводу, па пространствѣ цѣлаго вѣка, и притомъ вѣка величайшихъ триумфовъ естествознанія, свидѣтельствъ, звучащихъ столь единодушно, нѣть усть славѣйшихъ вождей науки. „Исти-ний химикъ“, писалъ еще Гемфри Дэви, „видѣть Бога въ различияхъ формахъ видимаго міра; когда онъ изучаетъ произведенія безконечной силы, направляемой безконечною мудростью, у него изчезаютъ всѣ низменные предразсудки, всякое жалкое суевѣріе... и ученіе материалистовъ, ведущее къ атеизму, кажется ходильнымъ, тяжкимъ, глухимъ къ истинѣ, невыносимымъ ученіемъ, оскорбительнымъ для здраваго философскаго смысла“¹⁾. Въ 1851 г. великий Робертъ Майеръ писалъ: „мое прежнее предположеніе, что истина естествознанія относится къ христіанской религії, приблизи-тельно, какъ ручки и рѣки къ океану, стало для меня тѣ-перь глубокимъ язвеннымъ сознаніемъ“²⁾, и это сознаніе онъ, не обинуясь, неподѣдуетъ въ 1869 году па Инсбрук-скомъ съѣздѣ натуралистовъ въ заключительныхъ словахъ своей рѣчи: „истинная философія природы не смѣть и не можетъ быть иначе, нѣмы, какъ пропастною къ хри-

1) H. Davy. Collected Works. London, 1840, XI, 361; 345.

2) Rob. Mayer's Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart, 1893. 339—340.

стіанской релігії“¹⁾. „Наука (по словамъ геніального Фарадея), научающая наше познанію венцей, должна направлять наше къ размыщленію о Томъ, чье твореніе эти венцы; ибо авторитетъ несравненно высшій, нежели тотъ, что вѣщаєтъ изъ сферы этихъ венцовъ, удостовѣряетъ наше, что невидимое нами непосредственно въ Творцѣ, то есть, вѣчная Его сила и Божество, выясняются намъ отъ начала мірозданія черезъ Его творенія“²⁾. У Леверрье (читаемъ мы въ его академическомъ некрологѣ) „изучение неба и вѣра научная только закрѣпляли живую вѣру христіанина, побудившую его въ послѣдній часъ жизни заключить послѣднюю страшницу его бессмертнаго ученаго труда словами: „нынѣ отпущаешь, Владыко, раба твоего!“ „Всякое основательное естествознаніе ведеть къ богоопознанію“, писалъ въ 50-хъ годахъ прошлого вѣка известный химикъ Эрстедъ³⁾. „Правильное изъзерцаніе природы“, подтверждаетъ ботаникъ Алексе. Браунъ, „должно приводить умы отъ твореній къ Творцу“⁴⁾; и что это благородное убѣжденіе не вывѣтилось изъ душъ за-падныхъ ученыхъ и до послѣдняго времени,—видно изъ словъ другого ботаника, Вестермайера, умершаго въ 1903 году: „награда истиннаго природовѣданія есть богоопознаніе; всѣмъ людямъ, даже и язычникамъ, открыть эту путь къ познанію Бога и весь разумныя существа должны бы вступать на него: но если истинное природовѣданіе есть пѣчто столь величавое, то и фальшивое естествознаніе должно имѣть нагубицкія слѣдствія“⁵⁾. Малларъ, прозванный „величайшимъ философомъ изъ минералоговъ“, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій (въ 1872 г.) говорилъ: „высшая честь, на которую можетъ разечитывать зѣбъ, на землю, человѣкъ, это—постигать своимъ разумомъ памѣренія и мысли Творца всего. Осуществлять эту задачу помогаетъ ему наука. Мы зѣбъ—не для одного потребленія (даннаго намъ) и не для однихъ наслажденій. Мы зѣбъ, говорить релігія, —для любви и служенія Богу. Мы зѣбъ, говорить намъ наука, для уси-

¹⁾ „Ausland“. 1869, 1061—1065.

²⁾ Jones. Life and Letters of Faraday. London, 1850, II. 224—225.

³⁾ Oersted. Der Geist in der Natur. Leipzig, 1854. II. 227.

⁴⁾ Kneller, 358.

⁵⁾ Тамъ-же, 361.

лій постигнуть мысль и волю Божії и для того, чтобы восхищаться ими¹⁾). „Миръ есть Библія природы, откровение намъ Бога какъ Творца“, пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ современныхъ геологовъ Гейки; „спириту и благоговѣнно изучая тѣла природы, мы получаемъ возможность постигнуть кое что и изъ всемогущей силы Великаго Промышленителя. И какъ Богъ-Творецъ *видимой* вселенной открываетъ Себя черезъ природу, такъ и Божественный Творецъ и Правитель *невидимаго* раскрываетъ намъ Себя въ Библіи²⁾). Къ этимъ свидѣтельствамъ о связи науки съ вѣрою присоединяется и величайший изъ физиковъ нашего времени лордъ Кельвинъ; въ рѣчи, произнесенныи въ маѣ 1903 года, онъ вызываетъ къ своимъ собратьямъ и сотрудникамъ по точному знанію: „не бойтесь быть независимыми мыслителями: если только вы будете думать достаточно глубоко, наука принудить васъ къ вѣрѣ въ Бога, къ основѣ всѣхъ религій, и вы признаете, что наука—не врагъ религіи, а ея помощница³⁾). „Мы не рискуемъ винить въ ошибку“, пишетъ астрономъ Фай (Fay) въ своемъ „Обзорѣ космогоническихъ теорий“, „если, изучая звѣздное небо, авторомъ всѣхъ вещей признаемъ, по традиціонной формулѣ, Бога, Отца всемогущаго, творца неба и земли!⁴⁾ Къ тому же заключенію приходитъ одинъ изъ величайшихъ друзей наукъ въ области палеонтологии Баррандъ, въ посвященіи одной изъ поэзій своихъ чаетъ своего 22-томнаго описания силурійскихъ пластовъ Богеміи высказывающій мысль, что „палеонтология—родная сестра астрономіи въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ, по-своему и въ своихъ предѣлахъ, повѣствуетъ намъ о могуществѣ и славѣ Творца⁵⁾.

Столь же дружны и определены отвѣты новѣйшихъ ученыхъ на вопросъ о томъ, существуетъ ли противорѣчіе между фактами науки и положеніями вѣры. „Ничто не можетъ быть дальше отъ истины, какъ мѣнье, будто новѣйшая изысканія

¹⁾ Тамъ-же, 247.

²⁾ Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Москва, 1911, 22.

³⁾ Nineteenth Century. June, 1903.

⁴⁾ Faye. Sur l'origine du monde. Théories cosmogoniques des anciens et des modernes. Paris, 1896, 3.

⁵⁾ Kneller, 261.

показали, что Библія и христіанство ошибочны, ложны", заявляетъ Джозефъ Прествичъ, считавшійся въ моментъ своей кончины (въ 1896 г.) за величайшаго изъ современныхъ геологовъ¹⁾. „Не только нѣтъ вражды между Библіей и естествоиспытаниемъ“, говоритъ астрономъ Вилл. Абней, „но мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука устанавливаетъ, что есть известные законы въ природѣ; но тамъ, где есть законы, долженъ быть и законодатель, Богъ!“²⁾... „Я не знаю ни одного научного факта, противорѣчащаго Библіи, правильно понятой“, утверждаетъ ботаникъ Кэррутересъ; „Библія не содержитъ въ себѣ научныхъ ошибокъ“³⁾. Знаменитый зоологъ Роменсъ идетъ дальше: „я ставлю себѣ цѣлью“, пишетъ онъ, „обосновать примиреніе между наукой и религіей гораздо детальнѣе, нежели обыкновенно дѣлается, и однако не покидая чистаго разума. При систематическомъ разсмотрѣваніи религіи методомъ науки столкновеніе между ними можетъ быть не только улажено относительно высшихъ обобщеній той или другой, но и совершенно уничтожено во всѣхъ, сколько нибудь важныхъ частностяхъ“⁴⁾. Роменсъ, какъ известно, далеко не единственный учёный, державшійся такого взгляда: литература детальной защиты Библіи съ точки зрѣнія давнихъ новаго естествовѣдѣнія очень обширна, особенно въ Англіи и Америкѣ, хотя, надо сознаться, научная строгость и апологетической тактъ въ ней первѣцко отстаетъ отъ благонамѣренаго усердія.

Нѣкоторые считаютъ, впрочемъ, такія детальныя оправданія и совсѣмъ излишними; такъ, известный астрономъ Даудъ Джилль замѣчаетъ: „не стѣдуетъ обращать и вниманія на утверждающихъ, будто Библія и религія ложны (съ точки зрѣнія науки). Эти положенія—ини на чемъ не обоснованный вздоръ“, проходящій, по мнѣнію другого астронома, Кроммелина, „отъ гордости ума, слишкомъ поспѣшно заключающаго, будто наука можетъ объяснить все“. „Вотъ почему“, по приговору третьаго астронома, Вальтера Бреіанта, „онас-

¹⁾ Религіозныя вѣрованія современныхъ учёныхъ, 24.

²⁾ Тамъ-же, 21.

³⁾ Тамъ-же, 34.

⁴⁾ Romanes. Thoughts on Religion. 1904, p. 114.

ность заключается не въ наукахъ, а въ маломъ знаніи, хотя за вредъ, имъ причиняемый, отвѣтственнымъ должно быть одно человѣческое самомнѣніе, а не наука”¹⁾. „Наоборотъ, по мнѣнію Мансона (известнаго медика и выдающагося изслѣдователя животныхъ паразитовъ), „изъ всѣхъ людей настоящій ученый, какъ неизбѣжно сміренійный изъ смертныхъ, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и религіозный”²⁾.

Носять безцеремонныхъ инсипиацій проагандистовъ нѣвѣрія о предполагаемой иррелигіозности ученыхъ кажется изумительнымъ то единодушие, съ которымъ сами воины науки протестуютъ противъ этого обвиенія, возводимаго въ совѣмъ неугодную имъ похвалу. „Во времена моей молодости”, писать недавно Уоллесъ, „существовала оппозиція между наукой и религіей; но теперь положеніе дѣйствительно иное”³⁾. „Иншъ немногіе изъ лидеровъ науки иррелигіозны”, замѣчаетъ известный ассиріологъ Сайесъ; „большинство же—какъ разъ противоположнаго уображенія; нерелигіозны по большей части тѣ, чьи научная знанія поверхностны”⁴⁾. Такъ же судить знаменитый хирургъ Джемсъ Неджетъ († 1899 г.): „среди ученыхъ вы найдете лишь очень немногихъ, нападающихъ на теологію и на религію; нападки, приписываемыя ученымъ, исходятъ главнымъ образомъ отъ людей очень мало знакомыхъ съ наукой”⁵⁾. Другой известный медикъ, Гарольдъ Деквортъ, держится того же мнѣнія: „на свѣтѣ слишкомъ много слабыхъ, трусливыхъ и невѣжественныхъ болтуновъ! Можетъ бытьувѣреннымъ, что большинство лучшихъ и наиболѣе откровенныхъ ученыхъ не находить трудностей въ примиреніи христіанской религіи съ непрерывными добавленіями къ наукѣ, точно такъ же, какъ не считаютъ они и Библію за камень преткновенія для принятия новыхъ точекъ зреія на старые истины”⁶⁾. И наконецъ,—отзывъ Стокса и Кельвина! Вотъ слова первого: „что касается утвержденія, будто недавняя научная изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библіи и рел-

¹⁾ Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. 115, 120, 122—3.

²⁾ Тамъ-же, 90.

³⁾ Wallace. The World of Life. 2 edit. London, 1911, 332.

⁴⁾ Табрумъ, 47—48.

⁵⁾ Тамъ-же, 41.

⁶⁾ Тамъ-же, 44.

лигії, то на это я, не колеблясь, отвѣщаю: этоъ взглѣдъ совершенно ложень! Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религії. Быть можетъ, есть кое-какія дикія научныя предположенія, высказываемыя главнымъ образомъ людьми второразряднаго знанія и неправильно выдаваемыя за солидно обоснованныя научныя заключенія, которыя, по своимъ свойствамъ, могутъ вызывать лѣкоторыя затрудненія, если эти фантастическія предположенія будемъ признавать за истину. Но я не позволю себѣ говорить, будто есть лѣкѣтельныя противорѣчія между наукой и религіей. Противорѣчія эти—только кажуція... Что касается предполагаемой иррелігіозности величайшихъ ученыхъ, то мой жизненный опытъ привѣтъ меня какъ разъ къ обратному заключенію¹⁾. Подтверждая вышесказанное, лордъ Кельвинъ добавляетъ: „лишь лѣкоторые изъ болѣе легкомысленныхъ людей, занятыхъ научными изслѣдованіями, склоняются въ сторону религіознаго отрицанія, но потому лишь, что такого рода умы не сムуциаются и вообще никакими трудностями“, рѣшия стиномъ отвѣтственные вопросы съ легкостью, не подобающею человѣку научно воспитанному²⁾.

Не довольствуясь заключеніями обще-теистического свойства, многие изъ современныхъ ученыхъ очень опредѣление заявляютъ не только о своихъ личныхъ христіанскихъ убѣжденіяхъ, но и о связи таковыхъ съ научнымъ міро- и жизневоззрѣніемъ. Извѣстный англійскій медикъ Лейтонъ, указывая на Оливера Лоджка, какъ на проявление „склонности современной научной мысли къ установлению того, что можетъ быть названо научнымъ христіанствомъ“, полагаетъ, что „эта тенденція приведетъ скорѣе къ болѣе тѣсному родству истины научныхъ съ христіанскими, нежели наоборотъ“³⁾. Величайший сравнительный анатомъ XIX вѣка Робертъ Оуэнъ, въ рѣчи, произнесенной передъ „Христіанской Ассоціаціей молодыхъ людей“, спрашивавшій: „пострадало ли что-либо существенно-христіанское и прекратилось ли распространеніе и влияніе христіанскихъ истиинъ съ тѣхъ поръ,

¹⁾ Тамъ-же, 8, 9.

²⁾ Тамъ- же, 10.

какъ установились иѣкоторыя ученія, будто бы противныя Священному Писанию?" и отвѣчаетъ: "не бойтесь, и уповайте на Творца всяческой истины, предопредѣлившаго, что христіанство никогда не погибнетъ¹⁾. "Христіанство не устарѣло", говорилъ въ одной публичной лекціи заслуженный бернскій физикъ Грунеръ, "хотя оно основано и на древнемъ событии: реальность жизни Христа, Его крестной смерти, Его воскресенія во плоти—вотъ тѣ непоколебимыя скалы, вокругъ которыхъ, порою перекатываясь черезъ нихъ, бушуетъ прибой волнъ различныхъ системъ вѣры (въ томъ числѣ—и вѣры научной!); но не этому прибою опрокинуть ихъ! тысячеletія будутъ оѣ стоять непоколебимо!"²⁾. Неуничтожимо христіанство и есть чисто научной точки зреінія, добавляетъ геологъ Дуеонгъ, ибо "природа и христіанство, правильно понимаемыя, являются частями одного и того же великаго плана,... такъ, что и сама природа воспоминается и усовершенствуется только при постѣдней победѣ Евангелія Христова"³⁾.

Незамѣнность христіанства ясна величайшимъ представителямъ современного знанія. Такъ про Клерка Максвелля его биографы пишутъ: "онъ заглянулъ и углубился во всѣ схемы и системы философій и написалъ ихъ безсодержательными и неудовлетворительными, или, выражаясь его собственными словами, "недѣлательными", никакда не годными безъ Бога", и вернулся съ простотою, чистосердечиою вѣрою въ Евангелію Христа"⁴⁾. "Благоговѣнное изученіе и полное признаніе Бога, какъ Отца и какъ вездѣ и во всемъ Сущаго,—вотъ то, что намъ всегда необходимо!" говорить

¹⁾ Тамъ-же, 79.

²⁾ Gruner. Glauben und Wissen. Bern. 1907, 22.

³⁾ Табрумъ, 26.

⁴⁾ Campbell and Garnett. The Life of J. Clerk Maxwell. London, 1882, 416; тамъ же, на стр. 323 "Молитва естествоиспытателя", найденная въ его бумагахъ послѣ его смерти: "Боже всемогущій, создавшій по Своему подобію человѣка и даровавшій ему душу живую, дабы онъ искалъ Тебя и властвовалъ надъ созданіями Твоими, научи насъ такъ наслѣдововать дѣла рукъ Твоихъ, чтобы мы подчинили землю потребностямъ нашимъ и укрѣпили бы разумъ нашъ на служеніе Тебѣ; и даруй намъ пріять Слово Твое такъ, чтобы мы вѣровали въ Того, Кого Ты послалъ для сообщенія намъ познанія спасенія и средствъ прощенія грѣховъ нашихъ, о чемъ и молимъ Тебя во имя Его, Господа нашего Иисуса Христа".

Цайсъ-Деквортъ. „Милостивое обнаружение Самого Себя великимъ Зодчимъ вселенной совершилось въ Божествѣ Его Сына, Иисуса Христа. Единственное разрѣшеніе всѣхъ нашихъ затрудненій состоять въ томъ, чтобы поддерживать въ себѣ смиренную, дѣтскую вѣру и довѣрчивое упованіе на совершенную любовь къ Богу... Вотъ вѣра, съ которой должно жить и умирать“ ¹⁾). Ее не замѣнить ничѣмъ, не замѣнить и наукой: „въ зданіи религії (пишетъ Оливеръ Лоджъ) есть части, подъ которыя естественные науки могутъ съ безопасностью подводить фундаментъ... Но, съ другой стороны, есть также, и всегда будуть, обширныя религіозныя области, для коихъ научныя **основанія** подобного рода являлись бы неумѣстными, хотя научное *содѣйствіе* даже и здѣсь возможно“ ²⁾). Въ томъ же смыслѣ астрономъ Абнэй говоритъ: „ученіе о спасеніи не дается и не можетъ быть преподано наукой, оно—дѣло вѣры, и, какъ таковое, лежитъ въ обнаруженнѣй, доступныхъ наукѣ: по сомнѣваться въ истинѣ этого ученія, посколько оно изложено въ повѣствованіи о немъ, невозможно: если есть Высшій Разумъ, чому, какъ я убѣждена, и учитъ наука, то тайна Искушенія не является болышею тайною, чѣмъ другіе факты, которыхъ мы также объяснить не можемъ“ ³⁾.

Въ 1876 году, когда волна такъ называемаго ученаго антирелигиознаго отрицанія была сильнѣе, чѣмъ теперь, великий французскій химикъ Ж. Б. А. Дюма въ своей вступительной академической рѣчи, противопоставляя культульнымъ застугамъ христіанства новое материалистическое міровоззрѣніе, проповѣдующее „вступленіе въ бытіе безправное, жизнь безцѣльную и смерть безнадежную“, выражаетъ увѣренность, что „пароксизмъ научнаго мышленія, грозящій, въ мукахъ своего рожденія, возвышеннымъ ученіямъ христіанства, и однако безсильный замѣнить ихъ чѣмъ либо инымъ, минуетъ... ибо наука уже и теперь убѣдлѣла, что она преъбываетъ въ невѣдѣніи сущности вещей и что не ей дана миссія открывать боговъ и взрѣшивать на своихъ грубыхъ вѣсахъ душу человѣческую, какъ и не ей дарована власть

¹⁾ Табрумъ, 44—45.

²⁾ O. Lodge. Man and the Universe. 5 edit. London (1909), 55.

³⁾ Тамъ-же, 21.

обеспечивать народамъ права на справедливость, взаимную симпатію и свободу”¹⁾; тогда какъ, наоборотъ, „самые смиренные люди обрѣтаютъ въ глубинѣ сердца своихъ понятія души и Бога, какъ агсіомы, для коихъ иѣтъ, да и не требуется, демонстративныхъ доказательствъ. Не окажутся ли правыми эти ученики простодушной вѣры, тѣ, что стараются достигнуть рая путемъ прямого перпендикуляра, пока ученые тратятъ время на слова и пренія?.. Если взоры нашихъ предковъ обращались, какъ къ утраченной родинѣ, къ тверди небесной, глубины коей имъ были познаваемы, то постѣдніе изъ нашихъ сыновъ, обставдавши всѣ достоинства имъ тайны, не поднимутъ-ли, въ свою очередь, вновь чело къ звѣздному небу, какъ къ забытой, вновь отысканной родинѣ?”²⁾.. Эти благородныя слова оказались пророческими: прошла всего одна только четверть вѣка, и наука нашихъ дней, какъ мы только что слышали, въ лицѣ своихъ многочисленныхъ, достойнѣйшихъ вождей взыываетъ: „горѣ имѣемъ не одни сердца, но и умы!” и привѣтствуетъ издали родину гориаго свѣта, проясняющуюся сквозь завѣсу еще тяжелыхъ, но уже разѣюющихъ сомнѣй...

VI.

Ложное, предвзятое мігніе, столь доктринально высказываемое объ пррелігіозности ученыхъ достаточно, какъ мы видѣли, опровергнуто непосредственno самими руководителями современаго точнаго знанія. Не менѣе рѣшительно протестуютъ они и противъ предполагаемой *принципіальной* несогласимости постѣднаго съ вѣрою. Подночью такой несогласимости, ея будто-бы научною основою почти всегда выставлялось *механистически-матеріалистическое міровоззрѣніе*. Въ предѣлахъ краткаго очерка намъ иѣтъ возможности вдаваться въ анализъ несостоительности этого постѣднаго по существу, съ точки зрѣнія новѣйшихъ математиковъ и естествоиспытателей; мы приуждены ограничиться и здесь опять ссылками на ихъ собственные приговоры о немъ, да

1) J. B. A. Dumas. Discours. Paris, 1885. Т. I, p. XXXV—XXXVIII.

2) J. B. A. Dumas. Discours. II, 129 ss.

указаниемъ на нѣкоторые обзоры этой сложной темы съ общей точки зрењія 1).

Норазительна громадность и быстрота перемѣны, произошедшей во взглядахъ на механистически-матеріалистическое міровоззрѣніе за послѣднюю четверть вѣка! Въ половиње прошлаго столѣтія, и даже до 80-хъ годовъ его, большинствомъ ученыхъ, не говоря уже объ интеллигентахъ-неспециалистахъ, оно принималось почти безирекословно. „Если бы писать въ 1858 г. математикъ Карль Спелль (насъ спросилъ: чѣмъ наиболѣе рѣзко отличается новое естествознаніе отъ прежняго и чѣмъ оно достигло своихъ важнѣйшихъ результатовъ, то, безъ сомнѣнія, должно было бы признать, что этимъ мы обязаны открытию и развитию *механическаго* естествознанія: благодаря только ему, впервые явилась возможность ученія о природѣ въ строго научномъ смыслѣ, какъ содержательной системы априорно-необходимыхъ, естественныхъ законовъ“ 2).

Механистическое міровоззрѣніе, постепенно развилось въ систему такъ называемаго научнаго материализма. „Среди безконечнаго разнообразія мітій“³, говоритъ Оствальдъ, „въ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ, въ понятіи о мірѣ виђенніихъ явлений, разногласіе въ наши дни почти смолкли: отъ математика до врача-практика, почти каждый естественно-исторически мыслившій человѣкъ... сводилъ свои вѣрованія объ устройствѣ міра па то, что венци составлены изъ движущихся атомовъ и что эти атомы и дѣйствующи среди нихъ силы—послѣдняя реальности, изъ коихъ состоять отдельныя явленія. Въ безчисленныхъ повтореніяхъ приходилось читать и слышать, что для міра физического нельзѧ

1) Изъ наиболѣе известнаго, сюда относящагося, сошлемся на J. Ward. Naturalism and Agnosticism, (Gifford Lectures 1896--8) 3 ed. London, 190^o; на „составившую эпоху“, рѣчь Оствальда Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig, 1895, и его же Vorlesungen über Naturphilosophie 3 Aufl. Leipzig, 1905; на Helm. Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1898. Stallo. The Concepts and Theories of Modern Physics. 4 ed. London, 1900. L. Poincaré. La Physique moderne; son évolution. Paris, 1908. J. Arth. Thomson. Progress of Science in the Century. London, 1905. Em. Picard. La Science moderne et son état actuel. Paris, 1908. Ветгемъ. Современное развитіе физики. Одесса, 1908.

2) Snell. Newton und die mechanische Naturwissenschaft. 2 Aufl. Leipzig, 1855, 10--12.

найти иного объясненія, кроме какъ низведенія его явленій на механику атомовъ¹⁾). Но міромъ виѣшніхъ явленій не ограничивалась задача этого, будто-бы научного материализма; онъ стремился къ законченшому, по-своему, монизму, объединяющему въ своей основной концепціи всю совокупность явленій, включая въ нее и міръ внутренній живыхъ организмовъ, за которымъ стоялъ долго, столь устойчиво признавали особый, специфически ему свойственный, духовный характеръ. На физіологію, науку о живущемъ, преимущественно возложили надежду, что она, въ противоположность оправдывавшему наукѣ дуализму начала духовнаго и материальнаго,—дастъ, наконецъ, объединяющій синтезъ этого и другого и раскроетъ тайну величайшей изъ мировыхъ загадокъ. Свести уже не одни физические и химические процессы и явленія, но и биологические, а въ нихъ—не только все объективное, но и все субъективное на элементы міра тѣлеснаго, материальнаго—такова была, по словамъ известнаго физіолога Макса Ферворна, задача материализма²⁾. Такимъ образомъ (принимая формулу другого славнаго физіолога Дю-Буа-Реймона) „научное естествознаніе становится низведеніемъ измѣнений, имѣющихъ мѣсто въ материальномъ мірѣ, на движение атомовъ или разрѣшеніемъ мировыхъ процессовъ въ механику атомовъ... Тамъ, гдѣ удается этого достигнуть, наша потребность въ раскрытии причинной связи чувствуетъ себя временно удовлетвореною: вѣдь положенія механики математически изобразимы, и имъ присуща та же аподиитическая достовѣрность, какъ и положеніямъ математическимъ... Если бы только вѣдь измѣненія міра материальнаго разрѣшились въ движении атомовъ... объяснять болѣе уже ничего бы не оставалось... вселенная была-бы научно познана”³⁾.

Справедливость требуетъ добавить, что именно это благородное желаніе разгадать тайны міровозданія и дать имъ объясненіе строго-научное привлекало къ механистическому

¹⁾ Ostwald. Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig, 1895, 5—6.

²⁾ Max Verworn. Naturwissenschaft und Weltanschauung. 2 Aufl. Leipzig, 1904, 10, 11.

³⁾ Du Bois Reymond. Ueber die Grenzen des Naturerkennens 6 Aufl. Leipzig, 1884, 12, 13.

міровоззрѣнію его наиболѣе серьезныхъ сторонниковъ. Мы никакъ не можемъ безоговорочно согласиться съ мнѣніемъ Эпікета, будто „матеріализмъ, безсилный противъ всякой научной философіи, выступаетъ впередъ всегда въ моменты истощенія умозрительной силы“. Метафизическая и этическая основы материализма, безспорно, и малочисленны, и слабы: но его порывы къ научному мірообъясненію настолько стройны и радикальны, что они не даромъ, влекли къ себѣ столькихъ великихъ представителей точного знания, не исключая нѣрѣко и такихъ, которые въ метафизическомъ и этическомъ отношеніяхъ вовсе не склонны были къ материализму или пантеизму, въ этихъ областяхъ, даже въ разрѣзъ съ нимъ¹⁾. Цѣ-

¹⁾ Не въ пору истощенія умозрительной философіи, а, наоборотъ, одновременно съ ея расцвѣтомъ механическое мірообъясненіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе величайшихъ умовъ XVII вѣка именно потому, что они связывали съ нимъ надежды на возможность научного объясненія природы, безъ тѣхъ однако отрицательныхъ, антирелигіозныхъ заключеній отсюда, которыхъ добавлялись искони и понынѣ материалистами цѣлостнаго, послѣдовательнаго типа. Знаменательнымъ фактомъ въ этомъ смыслѣ остается тотъ, что именно отецъ чистой спиритуалистической философіи Декартъ былъ въ то же время и главнымъ, систематическимъ и послѣдовательнымъ начинателемъ механическаго мірообъясненія, ибо ни Коперникъ, ни Винчи, ни Кеплеръ и даже Галилей, несмотря на всѣ ихъ заслуги въ области изученія законовъ движенія, не возводили его еще въ единственную основу цѣльшаго научнаго естественного міровоззрѣнія. (Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ въ Сборникѣ по философіи естествознанія. Москва. 1906, 4). Декартъ, лично столь далекъ отъ метафизического и этическаго материализма и отъ религіознаго невѣрія, былъ тѣмъ не менѣе первымъ физикомъ нового времени, имѣвшимъ смѣлость, по чисто-научнымъ мотивамъ, провозгласить возможность послѣдовательнаго кинетическаго мірообъясненія („всѣ измѣненія матеріи или всѣ различія ея формъ зависятъ отъ движенія“. *Cartesii Principia Philosophiae*. II, 23). Столь несходный съ нимъ оппонентъ его (въ другихъ отношеніяхъ) Гоббсъ соглашался съ тѣмъ, что „физический измѣненія по необходимости должны быть не чѣмъ инымъ, какъ только движениемъ частей измѣняющагося тѣла; причиною же движенія въ тѣлѣ можетъ быть не что иное, какъ другое, смежное и движущееся тѣло“ (*Hobbesii. Philosophia prima*. IX, 9). Несмотря на все отдѣляющее Лейбница отъ материализма, и Лейбницъ былъ убѣжденъ, что „въ природѣ все дѣлается механически“ (*Nouveaux Essais* въ *Opera edit.* Erdmann, 383) и что „тѣла естественно движутся всегда не иначе, какъ другимъ тѣломъ, давящимъ ихъ или къ нимъ прикасающимся“ (5 *Lettre à Clarke*. Erdmann, 767). Равнымъ образомъ Гюйгенъ настаивалъ на томъ, что „въ истинной философіи причины

лый рядъ блестящихъ физическихъ открытий, казалось, подтверждать въ XIX вѣкѣ примененіе уже раньше прочио установленныхъ въ небесной механикѣ законовъ единобразнаго дѣйствія движущей силы къ „міру малыхъ“, къ міру атомистическому. Таково было для явлений магнетизма и электричества открытие закона взаимодѣйствія или взаимнаго притяженія, въ точности совпадавшаго съ Ньютоною формулой. Такъ, кинетическая теорія газовъ отлична, даже вплоть до математическихъ выражений, поддавалась объясненію всестороннимъ колебаніямъ ихъ молекулъ. Даѣже, выработанное на видимыхъ процессахъ въ жидкостяхъ учение о волнообразныхъ движеніяхъ дошло до оправданіе точнѣйшимъ наблюденіемъ объясненіе звука и тональность изъ движущихся волнъ воздуха или иной передаточной среды по чисто-механическимъ же законамъ. Затѣмъ, многочисленныя сходства и совпаденія акустическихъ и оптическихъ процессовъ побудили объяснять и свѣтовыя явленія колебаніями эѳира. И здѣсь, еще разъ, удалось изъященіе данныхъ процессы наглядными подобіями движений молекулъ эѳира и свести замѣчаemыя закономѣрности на простые механические законы. Даѣже, очевидное сродство свѣта и теплоты привело ко включенію явленій и этой постѣдней въ кругъ механическихъ движений атомовъ. Наконецъ, свѣтъ и теплота были сближены съ электричествомъ и магнетизмомъ, и Маккузанъ и другимъ явилась возможность истолковать весь эти силы какъ различныя формы или дѣйствія одного и того же излученія (радіаціи) эѳира, однородныя и лишь качественно волить и числомъ вибрацій отличающиеся движенія посего, при дѣйствіи на всесомия матеріяльныя тѣла, смотря

всѣхъ естественныхъ явленій должны быть мыслимы какъ механическія, если только мы не желаемъ отказаться отъ всякой надежды что либо понять въ физикѣ“ (Huugens. Tractatus de lumine въ Opera. 1728. I, 2.) Самъ Ньютонь, несмотря на его, какъ казалось современникамъ, отклоненіе отъ яснаго механическаго начала при объясненіи мірозданія къ „тайновѣтной потаенной силѣ тяготѣвія“, высказывалъ (въ предисловіи къ I-му изданію Principia) желаніе, „чтобы и все остальные явленія природы могли быть выведены... изъ механическихъ основаній“. Завершениемъ всей этой тенденціи является ставшая классическою Лапласова „мировая формула“, „способная обнять движенія какъ самыхъ большихъ міровыхъ тѣлъ, такъ и легчайшаго атома... постигая все будущее и все прошедшее въ настоящемъ“.

до нихъ особымъ свойствамъ, превращаются въ различныя, опредѣлѣнныя формы воли¹⁾.

Такъ, постепенно, но довольно быстро сложилось материалистически-механистическое воззрѣніе на природу, настолько соблазнительное по своей стройности и кажущемуся совпаденію со многими данными нагляднаго опыта, что къ этому мірообъясненію стали относиться какъ къ единственному, удовлетворяющему научнымъ требованиямъ. Вотъ почему одинъ изъ творцовъ спектрального анализа, Кирхгофъ, въ своей гейдельбергской рѣчи (1865 г.) „о зѣль естественныхъ наукъ“ могъ опредѣлить эту цѣль словами: „свести всѣ феномены природы на механическіе²⁾. Черезъ четыре года не менѣе славный Гельмгольц повторилъ ту же мысль на Иннебрургскомъ съездѣ патологистовъ и врачей: „конечная цѣль естественныхъ наукъ заключается въ томъ, чтобы найти лежащія въ основѣ всѣхъ остаточныхъ взаимій движеній, то есть разложиться въ механику“³⁾. Того же взгляда держался Клеркъ Маккуэлль: „когда физическое явленіе можетъ быть вполнѣ точно описано какъ перемѣна въ конфигураціи и движеніи известной матеріальной системы, тогда динамическое объясненіе этого явленія можетъ считаться законченнымъ. Мы не можемъ себѣ представить никакого дальнѣйшаго объясненія ни познаніемъ, ни желательнымъ, ни возможнымъ“⁴⁾.

Отъ физиковъ то же убѣжденіе переходитъ къ физиологамъ и распространяется ими на всю область сложнѣйшихъ явленій органической жизни. Этъ—уже конечное торжество механистически - матеріалистического міровоззрѣнія. „Каждый анализъ живого организма“, писать Людвигъ еще въ 1852 г., „обнаруживалъ въ постѣниемъ ограниченное число химическихъ атомовъ, присутствіе свѣто---(тепло---)

¹⁾ Предыдущій обзоръ—по Schneben. Die energetische Weltanschauung. Leipzig, (1907), 27—36.

²⁾ Kirchhoff. Ueber das Ziel der Naturwissenschaft. Heidelberg, 1865, 9, 24.

³⁾ Helmholtz. Vorträge und Reden. 4 Aufl. Braunschweig, 1896, I, 379.
„Всѣ перемѣны въ мірѣ суть перемѣны пространственного распределенія элементарныхъ веществъ и сводятся въ послѣдней истиціи на движение“. —Тамъ-же.

⁴⁾ Clerk Maxwell. On the dynamical Evidence of the molecular Constitutions of Bodies.

носнаго эфира и электрическихъ флюидовъ. Эти данные приводятъ къ заключенію, что всѣ явленія живого тѣла могутъ быть следствіями простыхъ притяженій и отталкиваний, происходящихъ отъ столкновенія этихъ элементарныхъ началь¹⁾. Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка Вундтъ говорилъ: „согласно господствующему нынѣ физическому или механическому міровоззрѣнію,... послѣдними законами, по которымъ действуютъ естественные причины, всегда оказываются основные законы механики. Физиология, отрасль прикладного природовѣданія, ...поставляетъ (съ этой точки зренія) свою задачу въ томъ, чтобы свести жизненные явленія на общіе естественные законы механики“²⁾. Это стремление къ чисто-механической точкѣ зренія узаконяетъ и Геккелъ³⁾, а раздѣлявший ее въ ту пору Дю-Буа-Реймондъ формулируетъ ее въ тѣхъ общихъ выводахъ, которые я привѣтъ уже раньше.

Широкій успѣхъ дарвинистической теоріи развитія оказался очень благопріятнымъ обстоятельствомъ для укрѣплѣнія механистически - матеріалистического мірообѣясненія. Именно въ сочетаніи съ эволюціоннымъ ученіемъ оно и наполнило свое новѣйшее завершеніе въ Геккелевомъ монизмѣ, этомъ, такъ сказать, исправленіемъ и расширеніемъ изданий предшествующаго грубаго поцуплянаго матеріализма Бюхнеро-Моленштевскаго типа. „Общая теорія эволюціи“, говоритъ южній зоологъ, „признаетъ, что въ природѣ свершается великий, единый, непрерывный и вѣчный процессъ развитія: что всѣ, безъ исключенія, естественные явленія... подчинены одному и тому же великому закону каузальности и что всѣ они, въ концѣ концовъ, должны быть сведены на атомистическую механику“. „Эта теорія—единственная научная, единственная дающая рациональное объясненіе вселенной и удовлетворяющая потребность человѣческаго разума въ началь причинности, такъ какъ всѣ явленія природы, въ смыслѣ частей единаго великаго процесса развитія, она приводить къ механической, каузальной связи“⁴⁾.

¹⁾ Ludwig. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. B. I. Einleitung.

²⁾ Wundt. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. 4 Aufl., 3, 2.

³⁾ On the Physical Basis of Life въ Lay Sermons, Addresses and Reviews. London, 1906, 125—6.

⁴⁾ Haeckel. Freie Wissenschaft und freie Lehre, 9, 10, 11.

Своего наибольшѣй эффектнаго выраженія это міровоззрѣніе нашло въ примѣненіи къ объясненію явлений человѣческаго духа вообще и волевыхъ процессовъ въ частности. Здѣсь развитыи съ метафизической быстротою роста тѣ боевые черты нового матеріализма, которыя, именно своею дерзостью, привели ему во мнѣніи полуученой публики особо соблазнительную окраску, сообщивши ему и противоположнѣйской и антирелигіозный характеръ. То, что возвѣстить выходецъ изъ другой, богословско-критической и философской области, заявилъ Штраусъ, что вся жизнь, не исключая ея уточнѣнѣйшихъ духовныхъ процессовъ, "есть не что иное, какъ особый, наибольшѣй сложный видъ механики", что все психическое и этическое сводится, стѣновательно, на физиологическое, какъ и это, въ свою очередь,—на физическое и механическое,—эта, будто бы "лювая вѣра" наугла себѣ доктринальское признаніе въ устахъ многочисленныхъ посвѣтителей поверхности понимаемаго и не ради научныхъ цѣлей эмпіриатируемаго матеріализма. Еще старикъ Кабанисъ утверждалъ, что "мозгъ предназначена для мысленія, точь въ точь какъ жедулка для инцидентій или печень для выделенія желчи". К. Фохтъ вернулся черезъ полвѣка къ этому эффектному утвержденію: "каждый поглѣдователь природы", по его словамъ, "поглѣдовательно придетъ ко взгляду, что всѣ способности, называемыя дѣйствіями духа,—просто функции мозговой субстанціи или, что ойтъ стоять въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ"¹⁾. Другой кумиръ 60-хъ годовъ Моленштѣтъ, утверждалъ, что "мысль есть движение, перемѣщеніе мозговой субстанціи"²⁾, а по еще болѣе определенной квалификаціи Линденфельда, мысль есть "стремленіе движеніе"³⁾. Бюхнеръ, которому, какъ бы въ наказаніе за долговѣчность, пришлось, попевшій, смягчать мальчишескія дерзости боевой поры матеріализма, призналъ Фохтова выраженіе за неумѣло выбранное, такъ какъ, "при самомъ безпристрастномъ разсмотрѣніи, мы не въ состояніи найти аналогіи или дѣйствительнаго сходства между выражениемъ желчи и урины и

¹⁾ K. Vogt. *Physiologische Briefe*, 323—5.

²⁾ Moleschott. *Kreislauf des Lebens*. 2 Aufl., 385, 418—419.

³⁾ У Бюхнера *Kraft und Stoff*. 15 Aufl., 137.

тѣмъ процессомъ, которымъ порождается въ мозгу мысль. Мысль—не экстрементъ, а дѣятельность или движение опредѣленныхъ образомъ соединенныхъ въ мозгу веществъ и материальныхъ сочетаний¹⁾). Однако механическимъ актомъ матеріи мышление остается и у Бюхнера: „разумъ и мысль— не сама матерія“, но это „особая форма всеобщаго движѣнія природы“; „они матеріальны какъ обнаруженія матеріального субстрата, отъ котораго они неотдѣлимы... Сознаніе, какъ и чувство, какъ и воля, есть механическое дѣяніе мозговыхъ клѣтокъ и, какъ таковое, должно быть отнесено къ процессамъ химическимъ и физическимъ“²⁾. Изворяя дословно постыднія выраженія, и Геккель видѣть въ сознаніи только неврологическую проблему, сводя его на механическую работу гангліозныхъ клѣтокъ и превращая всю психологію только въ отдѣльную физіологію³⁾.

Изъ этой постыдной стороны механистич.-материалистического міровоззрѣнія были выведены заключенія наиболѣе важныя въ нравственномъ и религиозномъ отношеніяхъ. Во-1) начисто упразднилась душа, въ смыслѣ самостоятельной субстанціи или силы; во-2) отрицалась свобода воли и, наконецъ, — безсмертіе души. „Ни коимъ образомъ душа или духъ не могутъ быть самостоятельнымъ существомъ: это претитъ всѣмъ естественнымъ фактамъ!“ — вотъ какъ, единимъ мають и непрекрасно-догматическимъ тономъ, рѣбнается первый вопросъ въ столь усердно рекомендованной агитаторами певѣрія книжѣ Шнекта⁴⁾. Но Бюхнеру „великая ошибка философскихъ никогдѣ въ томъ и состояла, что слова „душа, духъ, мысль, ощущеніе, воля, жизнь“ онѣ принимали за реальныя вещи и тѣмъ произвели нагубную путаницу въ совершенно простомъ положеніи дѣла.. Вполнѣ очевидно же ясно, что матерія мыслить... Нѣсть мысли безъ мозга!“⁵⁾; „нѣть мысли безъ фосфора!“ еще опредѣленѣе добавилъ Моленпоттъ. Всѣ толки о единствѣ, имматеріальности и цѣльности сознанія—пустыя бро-

¹⁾ Тамъ-же, 321.

²⁾ Тамъ-же, 323; 312—3.

³⁾ Геккель. Мировыя загадки, 191: Der Monismus. 23.

⁴⁾ Specht, 234.

⁵⁾ Kraft u. Stoff: 323, 324, 327.

дин: „сознание сложно, протяжено, длительно, измѣниво“¹⁾. Единой цѣльной, устойчивой души нѣть. Какъ иѣкогда Бюхнеръ, какъ теперь Геккель оповѣщаются, словно о пеперевѣкаемомъ приговорѣ, что, „благодаря великому прогрессу современной биологии, душа *признана* суммой функций мозга“²⁾. „Мы, медики“, говорить, по болѣе чѣмъ сомнительному полномочію отъ своихъ ученыхъ коллегъ, И. И. Ковалевскій, „подъ именемъ души разумѣемъ сумму отправлений первої системы... одно изъ проявленій матеріальной силы“. Забывая или игнорируя осмѣяніе, постигшее за петекине полуслогітє знаменитую фразу Фохта, русскій профессоръ имѣеть храбрость увѣрять, будто *всіхъ* патуралисты говорятъ, что наша душа есть такая же функция нашего организма, какъ желчь — отдѣленіе печени, желудочный сокъ — слизистой ткани желудка, моча — почекъ и т. д.³⁾. Съ точки зренія современного, расиниринаго, монистического матеріализма, призывающаго за реальное много такого, въ чёмъ болѣе грубый матеріализмъ 60-70-хъ годовъ видѣть только воображаемое, приходится иѣсколько обновить теорію низведенія всѣхъ явлений духовной жизни на матеріальную основу. Эту постѣднюю, въ ея психическихъ обнаруженіяхъ, Геккель обозначаетъ „пока“ терминомъ „психоплазмы“, находя доказаннымъ „химическимъ анализомъ“, что этотъ матеріальный базисъ, безъ котораго никакая психическая дѣятельность не мыслима, принадлежитъ къ группѣ патоматическихъ тѣлъ, то есть, тѣхъ бѣковыхъ углеродистыхъ соединений, которые лежать въ основѣ всѣхъ проявленій жизни... Эта душевная субстанція есть носительница психен, понимаемой не какъ особое существо, а какъ собирательное понятіе всѣхъ психическихъ функций плазмы“⁴⁾.

Въ тѣсной связи съ отрицаніемъ самостоятельности духовнаго начала стоять упраздненіе свободы воли. „Воля, какъ и сознаніе,—не абсолютная, самостоятельная, основная сила; въ этомъ смыслѣ она—нельность, типичная выдумка богословскаго хитромія, либо ничто въ мірѣ не можетъ выйти

¹⁾ Тамъ-же, 332.

²⁾ Геккель. Союзъ монистовъ. Лейпцигъ—С.-Петербургъ. 1907, 62.

³⁾ П. И. Ковалевскій. Мірозданіе. СПБ. Изд. Вольфа. 94, 95, 110.

⁴⁾ Миров. загадки, 95, 99, 117.

изъ подвластности непоколебимому закону причинности”¹⁾. „Съ убѣжденіемъ въ закономѣрности всего совершающагося вѣра въ произволъ несогласнаго... матеріализмъ... не можетъ признать его, такъ же точно, какъ и случай”²⁾, получаютъ Шнѣхтъ и Штреккерь, оставаясь вѣриющими старому взгляду Моденштта, что „воля есть результатъ настѣлія и вѣянія родителей, нацѣкъ, мѣста и времени, удобольствій и нѣгоды, звука и свѣта, иніціи и одѣжды”³⁾, всего, чего угодно, только не свободного, не самостоятельного импульса! Свобода воли, по Ковалевскому, „есть также функция мозга”, исчезающая тѣмъ же законамъ механической необходимости, какъ и сознаніе: „Лѣянія—результатъ органической дѣятельности мозга, и вѣсъ уклоненія въ отиравленіяхъ душъ, вѣсъ преступленія суть явленія невольныя, а, значитъ, и нѣвмѣняемы”⁴⁾. И по Геккелю „старая догма свободы воли совершение несамостоятельна”: для автора „Мировыхъ загадокъ” эта послѣдняя изъ загадокъ „не можетъ быть даже предметомъ критического, научнаго объясненія, ибо она, такъ чистая догма, основана на заблужденій и въ действительности вовсе не существуетъ”⁵⁾.

Понятно посѣть предыдущаго, какая участь ждетъ въ этомъ міровоззрѣніи ученіе о безсмертії. „Предположить его для одной мозговой функции нашего организма”, говорить еще Фохтъ, „обязывало бы распространить право на безсмертіе и на вѣсъ остальные органы. Разсуждая посѣдовательно, мы должны будемъ признать въ такомъ случаѣ безсмертными мускульныя, печеночныя, почечныя и кишечныя души!”. „Безсмертная душа богослововъ и спиритуалистическихъ философовъ не можетъ устоять передъ форумомъ науки. Душа связана съ мозгомъ, образуется по мѣру его развитія и съ нимъ же уничтожается”. Въ этомъ, завѣряетъ своихъ читателей Шнѣхтъ, „согласны *всѣ* мужи науки”⁶⁾! „Вѣра въ безсмертіе неразумна, нездорова, пасаждена въ умахъ искус-

¹⁾ Specht, 316, 225.

²⁾ Strecker. Welt und Menschheit, 83.

³⁾ Moleschott. Kreislauf, 436.

⁴⁾ Ковалевскій. Міроозданіе, 114—115.

⁵⁾ Мировые загадки, 26.

⁶⁾ Specht, 292.

ственію; она—явление вполнѣ патологическое”¹⁾. „Не разсуждение, а только упрямый произволъ, не наука, а только вѣра могутъ служить опорою идѣи личнаго бессмертія”²⁾. Однако эта вѣра съ научной точки зрѣнія изображается Геккелемъ непозволительной: „въ научномъ смыслѣ бессмертіе есть сохраненіе субстанцій: космосъ въ своей совокупности дѣятельно бессмертенъ; наоборотъ, мысль о личномъ бессмертіи совершенно несостоятельна: это одинъ изъ настѣнныхъ членовъ вѣры неразумной догматики, ставшей анахронизмомъ и позывомъ абсурдомъ”³⁾. „Эта суевѣрная твердьня вѣжъ мистическихъ и дуалистическихъ міровоззрѣній... въ двадцатомъ вѣкѣ можетъ еще быть предметомъ трансцендентальной вѣры, но никакъ не серьезного научного изслѣдованія... Это чистѣйшее суевѣріе... основано главнымъ образомъ на воображеніи, на отсутствіи яснаго сужденія и неизлѣдовательскаго мышенія. Окончательный отказъ отъ этой атанистической иллюзіи быть бы, по моему твердому и честному убѣждѣнію, не только не болѣзнией потерей, а, наоборотъ, неодѣшимъ приобрѣтеніемъ”... „Съ этимъ неоптическимъ представлѣніемъ реалистическому воззрѣнію на природу, господствующему въ наше время, рѣшительно нечего дѣлать”⁴⁾.

Нечего дѣлать было не „реалистическому”, а фантастическому міровоззрѣнію догматиковъ материализма и съ постѣднимъ изъ „неоптическихъ” и стѣснительныхъ для нихъ представлений, съ понятіемъ Бога: и оно, какъ мы уже разъѣ видали, столь же догматично и тенденціозно устраниено было изъ этого упрощеннаго міровоззрѣнія подъ благовиднымъ предлогомъ что „не слѣдуетъ увеличивать міровыхъ загадокъ прибавленіемъ къ нимъ еще одной, самой непонятной, наибольѣе необъяснимой изъ всѣхъ”.

Такъ, въ быстромъ ходѣ своего развитія, механистическая-материалистическое ученіе сложилось въ систему, обнимавшую не одинъ теоретическія проблемы знанія, но и практическія основныя задачи жизни... Она, несомнѣнно, обладала

¹⁾ Шроотъ у Шпехта, 307.

²⁾ Kraft und Stoff, 424.

³⁾ Наекел. Der Monismus, 25 и его же Союзъ Монистовъ. Лейпцигъ—С.-Петербургъ, 1907, 62.

⁴⁾ Миров. загадки, 197; 213—214, 218.

качествами, дѣставшими ее, хотя и по разнымъ побуждѣніямъ, привлекательными и для ученыхъ, и для широкаго образованаго или полуобразованаго круга. Первыхъ манила простота и стройность объясненій многообразійныхъ явлений природы памеиниши мѣромъ основныхъ началь, наиболѣе поддающихся, будто бы, научному наблюденію и учету; вторыхъ привлекала кажущаяся легкость и ясность такого мѣрообъясненія. То, къ чему настоѧщіе ученые приходили путемъ долгихъ и трудныхъ разсужденій, популяризаторами знанія обобщалось поспѣши и легкомысленно, въ короткихъ доктринальныхъ формулахъ и въ бойкихъ афоризмахъ, въ модныхъ летучихъ словахъ, подхватывавшихся „передовою“ публикою, получавшию такимъ образомъ возможность, съ видомъ компетентнаго знатока отставать, на будто бы научныхъ основаціяхъ, положенія цирковѣрення, принятая по-настынѣ. „На глазахъ у ученыхъ (у физиологъ въ особенности) совершаються прѣчто изумительное“, говорить известный ботаникъ Нѣгели: „труднѣйшая задача науки разрабатывалась публицистически, не-физиологами, въ цѣломъ потокъ статей,... причемъ увѣренность и определенность суждений возрастали именно тамъ, где наименѣе было на то компетенціи. Тогда какъ физиологи воздерживались отъ толковъ о труднѣйшихъ вопросахъ, а стоявшіе къ nimъ близко другіе естествоиспытатели выражались осторожно, мѣнѣй становились все рѣшительнѣе по мѣрѣ удаленія отъ надежной почвы... И этотъ нелогическій пріемъ простирался до того, что, ...безъ необходимыхъ знаній и развитія, обсуждались даже детальные вопросы и выдавались за ученую систему тѣмы, которые, вмѣсто того, чтобы самимъ учиться, начинали прямо съ поученія другихъ“¹⁾. Натурфилософія когда-то „до неба возносившаяся“, была теперь до праха упижена. Въ противоположность геронической и/or философскаго идеализма, антиреалистическая тенденція котораго таинственно сказалась въ искренинѣ военщина Рест-Коллара „нѣть ничего прензрѣннѣе факта!“²⁾ здесь развилося идолопоклонство факту при поразительномъ пренебреженіи къ разсужденію, безъ котораго и самые факты не могутъ быть ни

1) Nѣgeli. Theorie der Abstammungslehre. 1884. Einleitung, 3.

2) Brunetière. Discours de combat. I, 6.

глубокого постигнуты, ни правильно оценены, ни даже должнымъ образомъ описаны. Но, по вѣрному замѣчанію Родуля Франса, „страхъ передъ критическимъ разумомъ и презрѣніе къ какому бы то ни было натурфилософствованію жестоко отмѣтили за себя: никогда еще столь очевидный противорѣчія и такой хаосъ подумыслей не выдавался за подлинныя, не теряющія возраженій истину, какъ въ періодъ отъ 60-хъ до 90-хъ годовъ, пока эту, гнетущую умы истому не встряхнула, наконецъ, Геккелева натурфилософія, пробудившая среди естествоиспытателей снова уваженіе къ философствованію и заставившая ихъ, если они не желали быть нобитыми, заняться, хотя сколько-нибудь, логической и гносеологической выправкою“.¹⁾

На бѣду творенья этой новой натурфилософіи оказался, по злому выражению Адикеса, „такимъ же философскимъ нулемъ, какъ Бюхнеръ“²⁾, настолько поверхностными мыслителями, что „Мировыя Загадки“ (говорить Наульсейнъ) невозможно читать, не краснѣя отъ стыда за автора и за читателей“³⁾. Даже расположеннымъ къ Геккелю натуралистамъ приходится публично оговариваться, что этотъ „гениальный сынъ XIX вѣка идолъ и увлекай, и отсталости отъ современной науки, и противорѣчій съ ея послѣдними данными“⁴⁾. Извѣстный физикъ Оливерь Лоджъ видѣть именно на Геккельѣ научительный примѣръ серьезнаго ученаго ума, который становится смѣшнымъ, какъ скоро ветунаетъ въ чуждую ему область философій, такъ, что и опровергать его, съ философской стороны не стонутъ: достаточно встрѣтиться съ его „монистической міровою схемою“ на чисто научномъ полѣ, чтобы показать, какъ далеко загнать онъ изъ научныхъ теорій въ сферы гаданий и гипотезъ, где онъ теряетъ всякую связь съ какою бы то ни было реальной наукой. Такого рода схемы, какъ Геккелева, философамъ должны казаться рудиментарными и устарѣвшими, а людямъ науки – произвольными, гипотетическими, отчести – ложными, а въ итогѣ – со-

¹⁾ Adickes (профессоръ философіи въ Килѣ) *Kant contra Haekel*. Berlin, 1901, 2.

²⁾ Paulsen. Ern. Haekel als Philosoph въ Preuss. Jahrbücher B. 101, 1 Heft, 1900.

³⁾ Проф. Шимкевичъ въ предисловіи къ русс. переводу „Мировыхъ загадокъ“ 1907, VI, и многія примѣчанія къ тексту.

всѣмъ неубѣдительными... Лучше отказаться отъ всяаго монизма, чѣмъ довольствоваться такимъ скороизѣльнымъ и дешевымъ, какъ этотъ”¹⁾. Другой великий натуралістъ Уоллесъ подтверждаетъ строгій приговоръ бирмингамскаго физика: Геккель (говорить онъ) въ своихъ попыткахъ трактовать проблемы безконтрольности и вѣчности, со своими крайними логматическими утверждѣніями, „выдааетъ за постоянные факты то, что даже не можетъ быть познано!.. Это уже конечно—не наука; а если это философія, то очень плохая... сочетаніе логматического отрицанія и логматического же всеизѣлья... претензія на какое-то высшее знаніе, скрывающая действительное невѣжество относительно самой природы жизни”²⁾.

Таковы сужденія знатоковъ дѣла о натурфилософії обновленнаго матеріализма³⁾. Какой контрастъ съ отношениемъ къ нему большинства читателей „Мировыхъ загадокъ”, разошедшихся за 9 лѣтъ въ измѣнкомъ изданий въ 200,000 экземпляровъ, а въ англійскомъ въ 30000 въ первые три мѣсяца поѣтъ напечатанія⁴⁾! Успѣхъ какъ будто поразительный!, но успѣхъ, по мнѣнію философа Наульсена, „вызывающій чувство жгучаго стыда за то состояніе, въ которомъ находится общее и философское образованіе народа!.. Что вообще подобная книга возможна, что она пишется, печатается, покупается, читается, что ей могутъ вѣрить, могутъ одобрять ее у народа, имѣющаго Канта, Гете, Шопенгауера,—вотъ что болѣе!”⁵⁾. Причины успѣха лежатъ, очевидно, въ соответствіи книги духу той антиидеалистической и антирелигиозной пропаганды, условія и приемы которой мы излагали выше⁶⁾: научный элементъ тутъ существенной роли не играетъ: именно въ научной, физической основѣ своей предполагаемой философії, говорить физикъ Хвойсонъ, Геккель обнаруживаетъ „очти невѣроятное не-

¹⁾ O. Lodge. Life and Matter. 4 ed. London, 1907, 3; 11, 13.

²⁾ Wallace. The World of Life. 2 ed. London, 1911, 6—8.

³⁾ См. еще многое въ ту же тему въ книгѣ Деннерта. Геккель и его „Мировые загадки” по сужденіямъ специалистовъ. Москва 1909.

⁴⁾ Dennert—Godesberg. Die Naturwissenschaft und der Kampf um die Weltanschauung. Frankfurt a. M. 1908, 4. Геккель. Мировые загадки, 4-2.

⁵⁾ Paulsen. op. cit.

⁶⁾ Объ этомъ Dennert—Godesberg. Naturwissenschaft u. Kampf um die Weltanschauung, 5--7.

вѣжество;... насмѣшка вѣка была бы здѣсь спинкомъ легкимъ наказаниемъ; здѣсь умѣстнѣе иная, болѣшая кара—забвѣніе; передъ могилою „Мировыхъ загадокъ“ въ будущемъ никто шляпы не сниметъ! ¹⁾). „Догматический материализмъ есть метафизика наихудшаго sorta“, замѣчаетъ д-ръ Ритчи; онъ долженъ быть пашть, потому что уже къ концу XIX вѣка превзойдена была мѣра терпѣнія, возможнаго по отношенію къ нему: „переломъ (говорить Рауль Франсѣ) стать неизбѣженъ, и иныи это міровоззрѣніе—уже пережитой моментъ въ исторіи развитія современаго естествознанія“ ²⁾.

Но если этотъ фактъ, по вышеуказаннымъ тенденціознымъ мотивамъ, замалчивается не только въ общедоступной лите-ратурѣ, но даже иногда и въ научно-педагогической средѣ, подъ предлогомъ неудобства иссвѧщать начинающихъ зани-маться наукой сразу въ еще неуставнившемся, еще не ело-жившемся въ систему ученія поваго, уже не-материалисти-ческаго міровоззрѣнія,—необходимо привести хотя немногіе изъ многихъ протестовъ выдающихся вождей новѣйшаго естествознанія противъ механистически-материалистического мірообъясненія.

Теперь, когда оно изъ повелителя настоящаго переходитъ въ пережитокъ прошлаго, стали вспоминать и прежнія воз-раженія противъ него, незамѣченныя или не вѣрно опѣчненныя раньше. Такъ, на Тындаля часто ссылались, какъ на выдающагося сторонника научного материализма. Несомнѣнно, поводы къ такому заключенію давали иѣкоторая изъ его выражений, напримѣръ слѣдующія изъ его, столь нагрѣмѣвшей въ свое время бэльфастской рѣчи: „въ силу интеллек-туальной необходимости, я переступаю за предѣлы очевид-ности опыта, и именно въ той матеріи, которая, по нашему неизѣдѣнію ея потенциальныхъ силъ и несмотря на наше заявленіе о благоговѣніи къ ся Творцу, оставалась до сихъ поръ покрытою нозоромъ, я усматриваю надежду и могущес-тво всей земной жизніи“ ³⁾. Но если отъ этихъ наряд-ныхъ, по туманныхъ словъ мы обратимся къ болѣе опредѣ-леннымъ, мы убѣдимся, что для Тындаля вопросъ о сведеній

¹⁾) Chwolson. Hegel, Haeckel, Kossuth und das XII Gebot. Braunschweig, 1906.

²⁾) R. Francé. Werth der Wissenschaft. Vorwort zur 2 Ausgabe.

³⁾) Tyndall. Belfast Address. Revised edit.. 58, 59.

всего духовнаго на материальное оставался далеко не рѣшеннѣемъ; наоборотъ, Тиндаль настаивалъ на самостоятельности обоихъ началь: переходъ отъ физическихъ процессовъ въ мозгу къ соответственнымъ фактамъ сознанія, говорилъ онъ, не укладывается въ наше пониманіе, остается для насъ просто немыслимымъ; иеностижимымъ представляется, чтобы атомы, въ отдельности лишенные способности мысленія и бытованія, могли бы, въ своихъ сочетаніяхъ, рождать чувство и мысль¹⁾.

Еще важнѣе отношеніе Гексли къ матеріализму. Не его ли, сплошь и рядомъ, выставляли авторитетѣйшимъ защитникомъ этой системы? не возводили ли и самого его въ настоящаго матеріалиста? А между тѣмъ онъ опредѣленѣйшимъ образомъ заявляетъ: „я не матеріалистъ, а наоборотъ. считаю, что матеріализмъ связанъ съ глубокимъ философскимъ заблужденіемъ“²⁾. Правда, Гексли высказывалъ надежду, что „физіология будущаго включить въ область матеріального процессы и чувства, и мысли, и воли“. Онъ предсказывалъ ironически, что „надвигающейся приливъ матеріи грозить поглотить души тѣхъ, что дрожатъ отъ ужаса передъ ростомъ матеріализма“. „Исторія успѣховъ науки во всѣхъ вѣка, а теперь больше, чѣмъ когда либо, выражалась, въ разростаніи области матеріи и каузальности и въ соотвѣтствующемъ этому изгнаніи изъ всѣхъ областей человѣческой мысли того, что мы зовемъ духомъ и произволомъ“³⁾. Гексли несетъ даже дальше: онъ готовъ быть признать „операциіи ума за функции мозга, а матеріалы сознанія за продукты мозговой деятельности“⁴⁾. Но тѣмъ эти уступки „столь пугающей другихъ матеріи“, онъ самъ относится къ ней по большей мѣрѣ какъ агностикъ, а не какъ матеріалистъ: „что знаемъ мы, въ концѣ концовъ, обѣ этой ужасной матеріи, кроме того только, что это — имъ невѣдомой намъ, гипотетической причинѣ состояній нашего сознанія?... Матерія и духъ — только обозначенія воображаемыхъ субстратовъ извѣстныхъ группъ естественныхъ явле-

¹⁾ Тамъ-же, 18.

²⁾ Huxley. On the Physical Basis of Life въ Lay Sermons. London, 1906, 129.

³⁾ Тамъ-же, 123.

⁴⁾ Collected Essays. VI, 94.

ній... Равнымъ образомъ, что такое „необходимость“ (лежащая будто бы въ основѣ законовъ природы), какъ не пустая тѣнь, отбрасываемая отъ моего разума на факты и законы, миѣ извѣстные?.. Но если мы, несомнѣнно, не обладаемъ знаніемъ ии природы матеріи, ии природы духа, и если понятіе необходимости есть нѣчто незаконно включаемое во вполнилъ законную концепцію закона (природы), то въ такомъ случаѣ материалистическое положеніе, будто въ мірѣ нѣть ничего, кроме матеріи, силы и необходимости, настолько же лишено оправданія, какъ самые безосновательные изъ богословскихъ доктринаў. Основныя доктрины материализма, какъ и спиритуализма, лежать виѣ предѣловъ философскаго изслѣдованія¹⁾. „Въ истину основного положенія материализма яискрено не вѣрю. Во 1-хъ), миѣ представляется достаточно яснымъ, что въ мірѣ, кроме матеріи и силы, есть еще третья вещь—сознаніе, въ которомъ, по упрямству не то сердца, не то головы, я не могу видѣть матеріи и силы или какого-либо постижимаго имъ видоизмененія той или другой; а во 2-хъ, обѣ аргументы Декарта и Беркли въ пользу того, что наше достовѣрное знаніе не простирается за предѣлы положеній нашего субъективнаго сознанія, вѣдь материалисты, пробовавши перегрызть цѣль этихъ разсужденій, только обломали себѣ зубы. Ну, а если такъ, то наша достовѣрность относится къ бытію міра интеллектуальнаго, а міръ матеріи и силы, міръ „Kraft—und Stoff'a“, понижается, на лучшій конецъ, до уровня высоковѣроятной гипотезы... И потому, если бы меня принуждали къ выбору между материализмомъ и идеализмомъ, я, разумѣется, предпочелъ бы послѣдній²⁾.

Сходные конечные выводы обнаруживаются даже у Клиффорда, третьяго, прославленнаго въ свое время авторитета научнаго материализма, несомнѣнно болѣе двухъ предыдущихъ ученыхъ къ нему склоннаго. Несятря на отрицаніе имъ устойчиваго, цѣлостнаго характера духовной стороны въ человѣкѣ³⁾ и ея бессмертія,⁴⁾: несмотря на подонущеніе сознанія

1) *On the Physical Basis of Life.* 124—127.

2) *Essays on some Controversed Questions.* 1892, 171, 172, 174.

3) W. K. Clifford. *On some of the Conditions of Mental Development* въ *Lectures and Essays.* 3 edit. London, I, 79—85.

4) *The Unseen Universe.* Тамъ-же, I, 274 sqq. и *Virchow on the Teaching of Science.* Тамъ-же, II, 340.

ия безъ матеріи¹⁾ и на извѣдение психологическихъ процессовъ на физиологические, физиологическихъ на химические, а этихъ послѣднихъ на механические; несмотря на уравненіе духовныхъ процессовъ „съ другими материальными во всемъ, кромъ большей сложности первыхъ“²⁾; несмотря, наконецъ, на отрицаніе присутствія пурпуринціи и воли въ нашей солнечной системѣ и въ наше время въ комъ либо, кромъ какъ въ животныхъ, обитающихъ на планетахъ“,³⁾ и на недоказуемость будто бы Бога-Творца⁴⁾—біографъ Клиффорда Поллакъ былъ правъ, когда считалъ его представителемъ скорѣе идеалистического монизма, нежели чистаго материализма⁵⁾. Мы не имѣемъ права, полагать Клиффордъ, считать духъ за самодовѣрюю силу; однако тамъ, гдѣ имѣютъ мѣсто факты физическіе одновременно съ фактами духовными, тамъ несомнѣнно есть дѣйствующія силы, причемъ (и это самое важное!) „совершающіеся происходить въ двухъ совершенно различныхъ областяхъ; физическіе факты происходятъ сами по себѣ, а духовные также сами по себѣ. Между ними есть параллелизмъ, но что между ними интерференціи... Точно также и воля не есть нечто материальное; она—не видъ материального движения... Да и все тѣло, хотя и можетъ быть рассматриваемо пами какъ автоматическая-дѣйствующая машина,... однако оно не есть только машина, потому что ее сопровождаетъ сознаніе... *Мы болѣе, чѣмъ автоматы*, ибо мы сознательны,... что не мынастъ намъ заключаетъ Клиффордъ въ духѣ Гегеля) описывать тѣлесные факты самостоятельнно (независимо отъ фактовъ духовныхъ), и если мы ограничимъ свое вниманіе ими одни, мы даже должны описывать себя *какъ бы* автоматовъ“⁶⁾—все въ смыслѣ линий рабочей гипотезы, ради линий удобства научнаго мірообъясненія. Постѣ Канта и Беркли однако невозможно забывать, что всяко мірообъясненіе, не исключая и такого, механически-материалистического, свершается въ области нашего субъективнаго мышленія, и въ этомъ

1) *Body and Mind.* II, 8 sqq., 44—45.

2) *Philosophy of the pure Sciences.* I, 352.

3) *Body and Mind.* II, 47.

4) *Unseen Universe.* I, 295.

5) Тамъ-же. *Biographical Introduction*, 50—52; о втіявіи Спинозы, 49.

6) *Body and Mind.* II, 32—35.

емыслъ весь „вигнаній міръ есть совокупность духовныхъ измѣнений, ... следующихъ другъ за другомъ, согласно опредѣленнымъ законамъ”¹⁾.

За этими сдержанными и отрывочными возраженіями естествопытателей противъ такъ называемаго научного матеріализма постъдовали болѣе рѣшительные. Первымъ такимъ публичнымъ обличеніемъ его со стороны первокласснаго ученаго была рѣчь лейпцигскаго профессора В. Оствальда на Любекскомъ съездѣ натуралистовъ и врачей (20 Сентября 1895 г.). „Я утверждаю”, заявилъ здѣсь знаменитый химикъ, „что материалистически-механистическое міровоззрѣніе не можетъ бытьдержано наукой: оно не оправдываетъ цѣли, ради которой оно вырабатывалось: оно стонть въ противорѣчіи съ несомнѣнными и общепризнанными истинами. Это научно-несостоятельное возврѣніе должно быть отброшено и замѣнено, если возможно, инымъ, лучшимъ... Честь науки обязываетъ насъ предостеречь отъ ложнаго, опаснаго пути, по которому направляется великий корабль знанія”. „Обыкновенно не замѣчаютъ, въ какой высокой степени всѣ эти широко распространенные возврѣнія гипотетичны и метафизичны; ихъ привыкли считать, наоборотъ, за максимумъ точной формулировки реальныхъ соотношеній въ природѣ. И вотъ, въ противоположность этому предубѣждению, должно подчеркнуть, что вытекающее изъ этой теоріи слѣдствіе, будто всѣ не-механические процессы, каковы: теплота, радиація, электричество, магнетизмъ, химізмъ,— ни разу, ни въ одномъ случаѣ научно подтверждено не было. Ни въ одномъ, хотя бы даже единственномъ случаѣ, не удалось дѣйствительныя соотношенія (силъ и явлений) изобразить механическою системою вполнѣ, цѣликомъ, безъ всякаго остатка. Правда, для многочисленныхъ отдельныхъ явлений, съ большими или меньшими успѣхомъ, удавалось построить механическія изображенія (подобія, mechanische Bilder); но, какъ скоро пробовали такимъ механическимъ образомъ объяснять совокупность фактovъ, известныхъ въ данной области знанія, всегда и безъ исключений оказывалось, что между дѣйствительнымъ положеніемъ явлений и тѣмъ и положеніемъ, которое въ правѣ ...

¹⁾ Тамъ-же.

были бы ожидать отъ механическаго объясненія, неизменно гдѣ нибудь да оказывалось неразрѣшимое противорѣчіе. Оно могло долгое время скрываться; но исторія науки показываетъ, что, рано или поздно, оно вслѣдвало наружку; и единственное, что можно съ полной достовѣрностью сказать о такихъ механическихъ построеніяхъ или аналогіяхъ, называвшихся механическими теоріями извѣстуемыхъ явлений, это то, что они, во всякомъ случаѣ, когда либудь да будутъ выброшены въ мусорную яму¹⁾. Многія изъ этихъ теорій были, правда, плодотворны для науки; но польза того, что въ нихъ есть вѣраго, не должна закрывать глаза на ложное и вредное въ нихъ. Настало время признать рѣшительно, что механическое мірообъясненіе есть просто заблужденіе²⁾.

Но если механическое построеніе вселенной (продолжаетъ Оствальдъ) должно быть устраниено, то вмѣстѣ съ нимъ теряетъ подъ собою почву въ научномъ смыслѣ и все матеріалистическое міровоззрѣніе. Если при каждомъ серьезному опыте оказывается, въ концѣ концовъ, безуспѣшнымъ предпріятіемъ попытка механически объяснить даже извѣстная намъ физическая явленія, то отсюда неизбѣжно стѣдуетъ, что это еще менѣе возможно при несравненно болѣе запутанныхъ явленіяхъ жизни органической. Тѣ же принципиальныя противорѣчія имѣютъ мѣсто и здѣсь, и при томъ настолько, что положеніе, будто всѣ естественные явленія сводятся на механическія, лѣзья слиты даже за пригодную для научной работы гипотезу: это и просто-онибка!. Теоретически совершиенные механическіе процессы могутъ одинаково протекать и въ поступательномъ (прогрессирующемъ) и въ отступательномъ (ретрессирующемъ) направлѣніи: въ чисто-механическомъ мірѣ „прежде“ и „послѣ“, въ томъ смыслѣ, какъ они есть въ нашемъ мірѣ, не существовало бы: дерево могло бы снова стать росткомъ и зерномъ, бабочка вновь превратиться въ личинку. На дѣлѣ это въ нашемъ мірѣ невозможно, и для факта невозможности всего этого у механическаго міровоззрѣнія быть объясненія, да и быть не можетъ, въ силу свойства механическихъ уравнений.

¹⁾ Ostwald. Die Ueberwindung des wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig, 1895, 6—9; 14—16.

²⁾ Тамъ-же, 21.

Фактическая необратимость реальныхъ явлений природы доказывается, стбдовательно, существование такихъ процессовъ, которые извѣдомимы механическими уравненіями, и уже одніи изъ этихъ произнесень приговоръ надъ научнымъ материализмомъ... надъ всякою надеждою паглядно объяснять міръ физической низведеніемъ явлений на механику атомъ¹⁾, — приговоръ, къ которому виногрѣ при соединеніи извѣстный ботаникъ Рейнекъ²⁾ и на неизбѣжность котораго, еще до Остwaldа, указывать неутомимый борецъ противъ материализма, одинъ изъ универсальныхъ ученыхъ умовъ此刻и времени, Гирнъ³⁾. „Если”, говорить овь, „приступать къ тому увѣреному тону, съ которымъ теперешнія доктрины относятъ всю совокупность міровыхъ явлений къ одному движению атомовъ, мы въправѣ были бы ожидать и единогласія относительно качествъ, принципиальныхъ этой универсальной единицѣ, основѣ всего бытія. Къ сожалѣнію, при первомъ же взгляде на предлагаемая системы, получается самое странное разочарованіе: сразу обнаруживается, что атомъ химика, физика, метафизика и математика не имѣютъ между собою рѣшительного ничего общаго, кроме разнѣ имени. Каждый специалистъ, въ своей ученой кѣтѣ, фабрикуетъ себѣ атомъ, удовлетворяющій требованіямъ изучаемыхъ имъ явлений, ии мало не заботясь о требованіяхъ, свойственныхъ явлениямъ, относящимся къ другимъ ученымъ каморкамъ... Не всегда соглашены даже въ одной и той же науки относительно свойствъ атома!”⁴⁾. Этн, еще въ 1882 г.

¹⁾ Тамъ-же, 20—22.

²⁾ Reinke. *Die Welt als That.* 5 Aufl. Berlin, 1908, 472—3.

³⁾ О немъ съ этой стороны, см., Faudel et Schwoerer G. A. Hirn. Notice biographique. Colmar, 1891. Противъ материализма Гирнъ высказывается въ *Réflexions critiques sur la théorie cinétique de l'univers; Refutation scientifique de la doctrine matérialiste; Constitution de l'espace céleste; La vie future et la science moderne.* Изъ трехъ системъ: пантгизма, материализма и спиритуализма, говоритъ овь, „въ настоящее время одинъ спиритуализмъ, согласный съ требованіями фактовъ, данныхъ наблюдательными науками, является единственою локтриною, заслуживающею название рациональной”. Hirn. *Recherches sur l'équivalent mécanique de la chaleur.* Colmar, 1858, 337.

⁴⁾ Hirn. *Recherches sur la relation qui existe entre la resistance de l'air et sa température.* въ *Mémoires de l'Académie de Bruxelles.* T. XLIII, p. 68.

указанныя противорѣчія констатируетъ черезъ излѣтъ даже такой защитникъ атомистической теоріи, какъ Ганнекенъ, считающій ее за гипотезу, «вытекающую изъ самой организаціи нашего познанія и потому за необходимую»¹⁾. «Но-чemu же», спрашиваешь онъ, «она остается только гипотезою? почему, по мѣрѣ погруженія въ глубину реальности, она все болѣе и болѣе поглощаетъ реальныя начала и, въ концѣ этого редуктивного процесса, приходить къ атому линіи идеальному и линіи отвлеченію?.. Причина тому все-цѣло кроется въ свойствахъ науки, въ ея неполнотѣ, въ ея неспособности когда бы то ни было обнять числомъ полноту и подлинность реальности и конкретности... Спинникомъ узла та рамка копирѣства, въ которую умъ пытъ хотѣть бы пасынственію вдвинуть явленія дѣйствительности со всѣми силами ихъ бытія въ настоящемъ, бытія, полага проине-тимъ и уже чреватаго будущимъ! Чтобы добиться этого вмѣщенія, надо или расширить раму до разрыва ея предѣловъ, или же уменьшить объектъ до обѣдненія его въ сущес-твеннѣйшихъ качествахъ, до того, что онъ перестастъ быть уже самимъ собою... Какой же выводъ отсюда, какъ не тотъ, что атомизмъ, въ основѣ资料о кроется ариѳметической ана-лизъ, будеть, какъ и этаѣтъ постѣдній, всегда линіи приво-торымъ приближеніемъ къ подлинной дѣйствительности и что онъ всегда будеть безуспѣхъ обнять сущность и при-роду своего объекта въ его полнотѣ²⁾. Атомъ есть, стѣдователѣно, концепція ума, и не венъ о- себѣ.. его содержи-мое, бесконечно, всѣгда, где либо и въ чёмъ либо, ускольз-заетъ отъ числовыхъ ресурсовъ, не сноша опредѣляется однѣмъ полнотствомъ. Оно остается идеальнымъ и относи-тельнымъ, ибо и сама дѣйствительность, свою неучитаемую активную способностью, ускользаетъ отъ числа и отъ науки тѣми самими начальами, которыхъ невозможно свести къ оди-ному «личностному элементу»³⁾. Вотъ почему атомизмъ, имъ и механизмъ, какъ и все механистическое мірообъяс-неніе, стѣдователѣно, есть не абсолютно-реальное и не об-

¹⁾ Arth. Hannequin. *Essai critique sur l'hypoth  se des atomes dans la science contemporaine*, 2 edit. Paris, 1899, 12—13.

²⁾ Ганнекенъ, 13—15.

³⁾ Тамъ-же, 17—20.

длѣто истинное, а линь нечто какуцеся таковыи съ иерардичною дозою основательности. Его условность связана съ сердцемъ самой науки, неспособной подняться до безусловнаго, до нѣтъимаго, до первоначальнаго¹⁾. Сообразно съ этимъ, свое оправдание и разрѣшеніе своихъ противорѣчий атомизмъ можетъ получить не въ науки, а линь въ области метафизики²⁾.

Это отрезвляющее признаніе защищика матеріалистической патурфилософіи, сводящее ея значеніе до роли линь условной рабочей гипотезы, какъ это раньше думалъ Гѣкелі³⁾, совпадаетъ съ приговоромъ ея противниковъ, но уже безъ сейчасъ приведенныхъ оправданий. Такъ Сталло, авторъ очень солидной книги о теоріяхъ современной физики, полагаетъ, что, „хотя основатели новой физической науки при начать своихъ трудовъ и были иронизирены духомъ явной враждебности къ учениямъ средне-вѣковой ехоластики, они, тѣмъ не менѣе, принявши за теоретическое обсуждение результатовъ своихъ опытовъ и наблюдений, безознательно продолжали строить свои объясненія на предпосылкахъ той самой онтологіи, отъ которой они публично отреклисѧ“⁴⁾. Механистически - матеріалистическое мірообъясненіе, заключаетъ Сталло, по самому существу своему метафизично. Этотъ, якобы-научный матеріализмъ, по справедливому замѣчанію, быть можетъ, самого основателянаго изъ его критиковъ, Уорда, есть, въ концѣ концовъ, такая же философская догматика, какъ и идеализмъ⁵⁾. „Механистическое міровоззрѣніе“, говоритъ Оствальдъ, „ничего не сообщає намъ о тѣй-

¹⁾ Тамъ-же, 446—452.

²⁾ Тамъ-же и 19.

³⁾ Высказавшись рѣшительно (какъ было выше указано) противъ догматического матеріализма, Гѣкелі полагалъ однако, что „для прогресса науки терминология матеріалистическая (хотя сама по себѣ—лишь условная, не совпадающая съ сущностью дѣйствительности) во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе спиритуалистической по своей ясности, простотѣ и даже содержательности“ (Lay Sermons, 1906, 123). Рѣшительный отпоръ этому мнѣнію ласть Уоллэсъ, называя его и „неопредѣленіемъ, и неудовлетворительнымъ, и, главное,—совершенно искаженнымъ“. Wallace, The World of Life, ed. cit., 9.

⁴⁾ Stallo. The Concepts and Theories of Modern Physics. 4 ed. London, 1900, p. IV—V.

⁵⁾ Ward. Naturalism and Agnosticism 3 ed. London, 1906, I, 10.

ствительной, реальной природѣ венцѣ, а только показываетъ намъ, каковы бы онъ были, если бы удалось всю совокупность естественныхъ отношеній представить себѣ въ механическомъ изображеніи¹⁾. Не даромъ самъ творецъ гидро-кинетической теоріи (Томсонъ-Кельвингъ) называетъ ее не болѣе, какъ сповѣдѣніемъ до тѣхъ поръ, пока она не объяснитъ не только инерцію вихревыхъ массъ, но и тяготеніе, химическое сродство и многое другое, и предлагаетъ держаться этой теоріи лишь за племѣніемъ нога иной, лучшей²⁾.

Не равносильно ли это созданию (замѣщать по чину новоду Хордѣ), что величественный кинетический идеалъ, такъ высоко нариинії, что онъ довѣрь реальну физику до порога метафизического инглизма, есть не болѣе, какъ фикція математическаго гения, одинъ изъ описанійъ символовъ, за который, при отсутствіи подноты фактовъ да даже въ противорѣчіе со многими фактами, хватается неизъятожимая каждаго ученаго ума внесенная стройность и систему въ отрывочныя данные наблюдений и опыта, не удовлетворяющія приложенню намъ потребности, въ полнотѣ и порядѣ знаній?. Механическая теорія вселенной начинается съ отвлеченій (въ понятіяхъ матеріи, силы, пространства и движенія) и оканчивается одинѣми отвлеченостями же въ ученихъ обѣ атомахъ: она начинается изученіемъ движеній отдаленныхъ явлений и оканчивается разложеніемъ всѣхъ явлений въ движеніе: она начинаеть съ разсмотрѣнія реальныхъ тѣлъ въ пространствѣ и оканчиваетъ идеальными движеніемъ въ недоступной чувственному восприятію полнотѣ; она начинаеть съ динамикѣ обыкновенныхъ массъ, а оканчиваетъ нередкотною реальну динамикѣ своею, иной, особою³⁾. Не говоря уже о гладкотности построенія такого мѣръ объясненій, — какая, между обоими начальствомъ и концемъ, безраздѣльность промежуточныхъ искречистыхъ ступеней развитія!, какая беззапечтность явлений, какое многообразіе и подвижность формъ, и, собственно съ этимъ, — искъный оканчивъ вопро-

¹⁾ Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie. 3 Aufl. Leipzig, 1905, 263.

²⁾ Thomson. Popular Lectures and Addresses. London, 1891, I, 145.

³⁾ Ward. I, 152-153.

совъ перазрѣніиныхъ, трудностейъ непреодолимыхъ идеалисту, но производимою простотою механическихъ концепцій!... Реальная сложность явлений жизни, какъ бы изтѣвавшись надъ односторонними, односторонними ресурсами тойчайшаго изъ анализовъ, непознаваемою стѣною выится даже передъ. Интуитивныи вѣромъ математическихъ, все упрощающихъ уравнений, и быть еще въ рукахъ науки тѣхъ проинциативнѣйшихъ лучей, которые озарили бы вѣршины путь для такого упрощеннаго объясненія загадокъ даже физического и химического строя космоса, не говоря уже о вицінныхъ тайнахъ рѣющей въ немъ силы органической жизни!

Эту трудность, непреодолимую для материалистического мірообъясненія, начинаютъ искать сознавать даже такие упорные и противники спиритуалистического міровоззрѣнія, какъ Ле-Дантекъ. Да! воскликнѣтъ этотъ добросовѣстный изъ атеистовъ¹⁾, да! непознаваемое для человека во вселенной несомнѣнно есть! есть вопросы, на которые у науки не быть отвѣтствъ и никогда не будетъ! Но иначе и быть не можетъ!... Вѣдь мы знаемъ только матерію, находящуюся въ движеніи; мы присутствуемъ только при трансформаціяхъ движеній; вотъ единственное, что раскрываетъ намъ наука. Вопросы о происхождении самой матеріи, движенія, жизни, вопросы о твореніи и первомъ двигателе—источнике движенія,—все это лежитъ въ рессурсахъ науки; все это намъ въ научномъ смыслѣ недоступно; но именно недоступное-то и не познаваемое для науки совершенно и не важно „вполнѣ индифферентно, и было бы по-истинѣ недогматично приписывать этому непознаваемому регуляцію міромъ“²⁾. Мы не будемъ тратить времени на опроверженіе мѣжія парижского биолога о „неважности“ именнованныхъ вопросовъ: производительнѣе указать на то, что его собственные коллеги-специалисты, но только болѣе его заслуженные въ лѣтосчисляхъ науки, держатся какъ разъ обратнаго взгляда. Не является ли тому блестящимъ доказательствомъ то, что именно Уоллесъ, „первый изъ парижиновъ искать Дарвина“, счѣть нужнымъ озаглавить свой послѣдній объемистый трудъ

¹⁾ О Ле Дантекѣ съ этой стороны—въ моей статьѣ *Исповѣдь атеиста*.

²⁾ изд. Москва, 1911, изданіе Религіозно-философской Библотеки.

²⁾ Le Dantec. *Les limites du connaissable, la vie et les phénomènes réels*. Paris, 1908, 2; 149.

стѣдующимъ значительнымъ образомъ: „Міръ жизни: обнаружение Творческой Силы, Направляющаго Духа и Конечной Цѣли“¹⁾... Какъ разъ тѣ самыя проблемы, которыя, ради научной осмотрительности, исключать изъ сферы своихъ работъ Дарвинъ и которыя Ле-Дантесъ обзываетъ „инцифративными, праздными, вѣдя въ якостѣ ихъ рѣшенія обще болѣниинству людей искаленіе въ мозгу, участіование отъ вѣрованій предковъ“²⁾, какъ разъ попытку учинить именно эти-то проблемы и считаетъ Уоллесъ за характерную черту своего труда, видя въ цихъ задачахъ, хотя и „самыя таинственнѣя, но за то и самыя основныя“: тогда какъ конечные, antimатеріалистические и антифаталистические выводы изъ нихъ онъ считаетъ „за абсолютно необходимые“ и, несмотря на нихъ кажущуюся научную еретичность, за являемющіеся результатомъ старательнаго изученія фактovъ и условій задачи³⁾. И что это—ие единичное мѣбъе, видно изъ цѣлаго ряда противовѣдий химиковъ, биологовъ и физиологовъ противъ матеріалистического объясненія жизненныхъ процессовъ.

„Оемѣливаться въ настоящее время утверждать, что существуетъ только одна матерія и что одиц ея законы правятъ міромъ, говорить извѣстный французскій химикъ Арманъ Готье, „это значитъ строить науку на-выворотъ“ (*faire une science à-rebours*)⁴⁾. „Всѣ ли проявленія жизни имѣютъ своимъ источникомъ силы матеріальныя?“ спрашиваетъ тотъ же ученый, и отвѣчаетъ: „Нѣтъ! въ жизни есть нечто иное, чѣмъ только физика и только химія! матеріалисты могутъ пребывать матеріалистами только при производномъ ограничении своихъ разсѣдований одною низинкою частью жизненныхъ явлений, субстратомъ жизни, неспособными объяснить, что такое сама жизнь“⁵⁾. Извѣстный монпельерскій медикъ Грассъ видѣть въ этомъ естественныя границы биологии вообще, границы для нея даже неизменныя, но „акомпетентно преодолѣваемыя иными методами, другими ну-

1) Wallace. *The World of Life. A Manifestation of Creative Power, Directive Mind and Ultimate Purpose.* 2 ed. London, 1911.

2) Le Dantec. ouvr. cit., 2.

3) Wallace, VII; 399, VIII.

4) Приведено у Courbet. *Introduction scientifique à la foi chrétienne*, 132.

5) Arna. Gautier. *L'individualité et l'erreur individualiste*. Paris, 1898.

тъями", данными не витинного чувственного опыта, а "ресурсами интеллектуальными, духовными" ¹⁾). Другие биологи смотрятъ на силы своей науки оптимистичнѣе, но на устолвій ея реформы въ духѣ противоположномъ механистическому возврѣнію: "возможность вообще объяснить жизнь механистически для нынѣшней биологии, въ виду ея настоящаго опыта, представляется совершенно исключеною", замѣтъ часть ботаникъ Р. Франсѣ ²⁾, сходясь въ данномъ случаѣ съ выводомъ физика Томсона-Кельвина: "вопросы биологии и психологіи, вопросы о влияніи жизни и духа на движенія матеріи, но самому существу своему, лежать въ предѣловъ чистой динамики" ³⁾. Быть можетъ наиболѣе выдающейся изъ современныхъ физиологовъ Максъ Ферворнъ, приводяя практическія заслуги механистически-материалистического взгляда на природу въ качествѣ рабочей гипотезы въ прошломъ и, пожалуй, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ будущемъ, объявляеть ее "совершенно негодною въ качествѣ основы для цѣлаго міровоззрѣнія": для этого она слишкомъ узка, философскій материализмъ и такъ называемый научный, въ смыслѣ всеобъемлющаго мірообъясненія, сыгралъ свою историческую роль: этотъ опытъ естественно-научного міровоззрѣнія надо считать *навсегда и окончательно неудавшимися*" ⁴⁾. Другой ученьй, Уильсонъ также констатируетъ "всестороннюю неудачу механическаго анализа физиологическихъ функций" ⁵⁾: третій, Гальденъ, полагаетъ, что, даже въ качествѣ рабочей, временной гипотезы, механическое объясненіе жизненныхъ процессовъ "возможно только при сознательномъ игнорированіи всего характерного для явлений жизни или же при отвлечении отъ него" ⁶⁾, а по Бунге "исторія физиологии, по мѣрѣ углубленія и старательности научной работы, убѣждаетъ въ томъ, что биологические процессы, считавшіеся еще недавно объяснимыми химическими и физическими законами, оказались въ действительности безконечно болѣе сложными и неподдающимися въ настоя-

¹⁾ Grasset. *Les limites de la biologie*. 2 édit. 1903.

²⁾ Francé. *Der gegenwrtige Stand der Darwinischen Fragen*. 45.

³⁾ Thomson. *Popular Lectures and Addresses*. I, 148.

⁴⁾ Max Verworn. *Naturwissenschaft und Weltanschauung*, 12—13.

⁵⁾ J. Arth. Thomson. *Progress of Science in the Century*. 1908, 323.

ище время никакимъ попыткамъ механическаго истолкова-
ния”^{1).}

Любое постъпленіе изъ этого рода попытокъ, Геккелево стараніе оживить материализмъ внесеніемъ дуинъ въ матерію и объяснить всю эволюцію жизни коемоса одиними сочетаніями атомистическихъ дуинъ, не устранило дуализма тѣла и дуинъ. „И этотъ монизмъ”, говоритъ Ферворнъ, „ничего не объясняетъ памъ *научно*. Вѣдь научное позиціе требуетъ не одного упрощенія основныхъ началь, но и приведенія объясняемыхъ, еще непонятныхъ объектовъ изъведенія къ величамъ уже известнымъ и къ началамъ уже понятнымъ. Мы въправѣ требовать, чтобы конечный принципъ монистическаго міросозерцанія быть данъ въ качествѣ неисследованно памъ известнаго и уже не нуждающагося ни въ какомъ объясненіи, ни въ какомъ дальнѣйшемъ опредѣлении... не прибѣгая ни къ какимъ гипотезамъ. Вотъ это-то требование и остается невыполненнымъ въ понятіи одушевленныхъ атомовъ... Мы и въ немъ не переходимъ за дуализмъ тѣла и дуинъ; то и другое, но ирреальному, остается рядомъ другъ съ другомъ и, по прежнему,—необъяснимымъ вводимымъ обидимъ начальомъ... Этотъ конечный, постѣпенный принципъ есть, самъ по себѣ, —неизвестная величина... Какъ ни переворачивать вопросъ и какъ бы ни уклоняться въ сторону, ни концепція одушевленности атомовъ, ни доктрина тождества не въ силахъ одолѣть дуализма. А если такъ, то совершиенно безнадежными оказываются усилия спасти обломки материалистического міровоззрѣнія для того, чтобы изъ нихъ воздигнуть иное, новое. Очевидно, надо действовать радикальнѣе: *надо цѣлкомъ, до самого основанія, отказаться ото все-материалистического воззрѣнія на природу*, если желаютъ достичнуть до міросозерцанія монистического”^{2).} А по мнѣнію ботаника Рейнке даже и на стремлениѣ вообще къ монизму наука не въправѣ употреблять: „понятное само по себѣ, желаніе единства не должно быть рѣщающимъ въ вопросѣ о міровоззрѣніи: требуется не памъ желательное, а неинто, независимо отъ того, будеть ли некое —Единое

¹⁾ G. Bunge. Text-book of Physiological and Pathological Chemistry translat. by Wooldridge. London, 1890, 3 у Thomson, 324.

²⁾ Verworn. 43—18.

или Двоица, или Троица, или даже—Множественность. На думъ, однако, наимъ неизвѣстенъ *ни одинъ* научный фактъ, который съ необходимостью требовать-бы принятія именно монистического міровоззрѣнія¹⁾.

Таковы разносторонніе протесты многочисленныхъ авторитетныхъ представителей новѣйшаго природовѣднія противъ механистически-матеріалистического истолкованія природы. Даже та опора, которую еще столь недавно его сторонники черпали въ эволюціонной теоріи, нынѣ расинатана, покинута. „Какія надежды на побѣды надъ природою и ея тайнами“, говорить бiографъ Клиффорда Поллака, связывали мы съ волюю охватившаго насъ дарвинианскаго энтузіазма, торжествующе уносившаго насъ, какъ тогда казалось, въ океанъ новой жизни и безбрежныхъ возможностей! Новая теорія представлялась памъ волшебнымъ ключемъ къ цѣлой ве- ленной: мы надѣялись разгадать ею все загадки, примирить все противорѣчія²⁾, а теорія эволюціонная понималась тогда, какъ мы видѣли въѣхъ, существенно матеріалистически. Теперь же эволюціонисты позднейшей поры, напримѣръ П. Карусъ, признаютъ, что „эволюція не есть материальный и механический процессъ“, настолько, что „попытка решить проблему эволюціи на почвѣ матеріализма или механизма неизбѣжно должна оказаться ошибочною³⁾. Решить эту проблему приисыпавшемъ матерію свойствъ духа“, поясняетъ другой эволюціонистъ, „значить объяснять одно неизвѣстное другимъ, таковымъ же, и перевертывать па-изнанку весь смыслъ общепринятыхъ понятий. Это—полное саморазрушение матеріализма, а вмѣсть съ тѣмъ—и невыполнимый догматизмъ: что такое матерія сама по себѣ или духъ самъ о себѣ—никто не знаетъ; говорить, стѣдовательно, что въ мірѣ нѣть ничего, кроме матеріи, есть догматическое притязаніе, прѣбывать не управомоченное⁴⁾. То же заключеніе, по мнѣнію двухъ обозрѣвателей современнаго состоянія точныхъ наукъ, приходится вывести и относительно механистического мірообѣясненія: и оно, въ концѣ концовъ, заразъ и оккуплено.

1) Reinke. *Die Welt als That.* 5 Aufl. Berlin, 1908. 471—472.

2) Clifford. *Lectures and Essays.* London, 1901. 3 ed Biographical Introduction by Pollack. I, 42.

3) P. Carus. *Homilies of Science*, 39.

4) Savage. *Religion of Evolution*, 68.

и произвольно, „Мы можемъ объяснять явленія механически”, говоритъ Никарь, „если *пожелаемъ* ввести въ отвѣтъ подходящее для этого элементы. Можно, напримѣръ, получить механическое объясненіе свѣта, но для этого надо *предположить* существование *гипотетического* эфира”, то есть, выражаясь словами Арт. Томсона, „самаго *чудеснаго* изъ содержащагося во всѣхъ научныхъ концепціяхъ, когда либо приходившихъ людямъ на умъ”¹)... „Допуская возможность *погаенныхъ*, скрытыхъ отъ нашего знанія системъ, одаренныхъ болѣе или менѣе разнообразными свойствами, можно давать механическія объясненія цѣлымъ разрядамъ явленій. Но некоторые могутъ, пожалуй, подумать, что подобныя „скрытые системы” — плоды пусты и, разсуждая а-приорно, думаютъ такъ будуть правы! Что же можно заключить изъ всего этого? Да то, что, понятія въ совѣтъ общемъ смыслѣ, слова „механическое объясненіе” *лишены смысла*, особенно теперь, когда даже основы понятія механики, и есть ихъ критики Герцемъ, находятся въ полномъ хаосѣ”²). „Если бы (убѣждаетъ Томсонъ) механическія формулы даже и были пригодны для явленийъ явленій, чего, повидимому, не быть, они и тогда не дали бы намъ „объясненія”, ибо механизмъ одинъ механизмъ, самъ по себѣ, *вообще ничего объяснить не можетъ*”³).

Владимиръ Кожевниковъ.

(Продолженіе следуетъ).

1) J. Arth. Thomson. Progress of Science in the Century. 1908, 178.

2) Em. Picard. La Science moderne et son état actuel. Paris, 1908, 120; 126.

3) Thomson. 328.